

ХАИМ БЕРМАНТ

**ВЛИЯТЕЛЬНЫЕ
СЕМЬИ
АНГЛИИ**

КАК
НАЖИВАЛИ
СОСТОЯНИЯ
КОЭНЫ
РОТШИЛЬДЫ
ГОЛДСМИДЫ
МОНТЕФИОРЕ
СЭМЮЭЛЫ
САССУНЫ

Хаим Бермант

**Влиятельные семьи Англии.
Как наживали состояния
Козэны, Ротшильды, Голдсмиды,
Монтефиоре, Сэмюэлы и Сассуны**

«Центрполиграф»

1972

УДК 94(-411.16)
ББК 63.3(4/8)

Бермант Х. А.

Влиятельные семьи Англии. Как наживали состояния Коэны, Ротшильды, Голдсмиды, Монтефиоре, Сэмюэлы и Сассуны / Х. А. Бермант — «Центрполиграф», 1972

ISBN 978-5-9524-5484-2

Британский писатель и журналист Хаим Бермант прослеживает историю легендарных еврейских семей, перебравшихся с Континента в Англию в конце XVIII века, которые на протяжении двух столетий определяли финансовую политику и оказывали влияние на события во всех уголках обширной Британской империи, да и остального мира. Умелой рукой Бермант рисует характеры предприимчивых дельцов, которым удалось не только нажить огромные состояния, но и внести весомый вклад в процветание новой родины и развитие общественных свобод в Великобритании и за ее пределами. Изложенные в книге истории из жизни Ротшильдов, Голдсмидов, Монтефиоре, Коэнов и других еврейских семей, связанных между собой узами родства, в полной мере раскрывают перед читателем, каким образом их непомерные богатства, дальновидность и сплоченность — и все это приправленное доброй щепоткой курьезных и опрометчивых поступков — позволили им занять влиятельное положение в государстве. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 94(-411.16)
ББК 63.3(4/8)

ISBN 978-5-9524-5484-2

© Бермант Х. А., 1972

© Центрполиграф, 1972

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	34
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Хаим Бермант
Влиятельные семьи Англии. Как наживали
состояния Коэны, Ротшильды, Голдсмиды,
Монтефиоре, Сэмюэлы и Сассуны

CHAIM BERMANT

CHAIM BERMANT

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2021

© Художественное оформление, ЗАО «Центрполиграф», 2021

Глава 1

Родня

Вначале был Леви Барент Коэн, торговец из Амстердама, который поселился в Лондоне в 1770 году. И Коэн плодился и размножался и имел шесть сыновей и шесть дочерей.

И первый сын женился на племяннице Абрахама Голдсмида, друга Нельсона и Питта¹ и знаменитейшего биржевого брокера своего времени. Одна дочь вышла за Натана Майера Ротшильда, основателя английской ветви банковской династии, другая – за Мозеса Монтефиоре, торговца и биржевого брокера. Сын и дочь стали супругами дочери и сына Мозеса Сэмюэла, банкира и биржевого брокера. Третий сын взял в жены внучку того же Сэмюэла, а четвертый – сестру Мозеса Монтефиоре, чей брат, в свою очередь, женился на сестре Натана Ротшильда.

Так появилась Родня, тесный эксклюзивный союз родственников по крови и деньгам, которые текли в узком кругу, где лишь изредка приоткрывалась брешь и пропускала внутрь кого-нибудь из Беддингтонов, Монтегю, Франклинов, Сассунов или каких-то еще лиц с высоким положением в обществе или богатством, а потом снова накрепко закрывалась.

Старейшие еврейские семьи в Англии – это семьи сефардов, то есть евреев испанского и португальского происхождения, а круг Родни в основном составляли ашкеназы, то есть евреи голландского и немецкого происхождения. Все они прибыли в Англию сравнительно недавно, и потому сефарды смотрели на них с долей пренебрежения.

Гонения на евреев в Восточной и Центральной Европе заставили их перебираться на запад, но ни Коэны, ни Голдсмиды, ни Ротшильды, ни Монтефиоре не были жертвами издевательств и голода. Им неплохо жилось и в Европе, в Англии они рассчитывали устроиться еще лучше и свою будущую родину выбрали удачно.

Англия второй половины XVIII века вызывала зависть всей Европы. Просвещение и терпимость, с призывами к которым выступал Локк почти столетием раньше, стали руководящим принципом правительства. В стране была стабильность, и хотя на чужаков там всегда смотрели с некоторым подозрением, но даже чужаки из евреев имели возможность преуспевать без притеснений. К тому же Англия предоставляла такие возможности для инициативных и предприимчивых людей, каких не было больше нигде в Европе. Она одерживала триумфальные победы в войнах на море и на суше. Она открыла новые миры для коммерции в обеих Америках, Вест-Индии и на Востоке. Постоянные перемещения крупных армий и мощных флотов открывали широкие перспективы для коммерсантов, особенно там, где, как у евреев, у них были международные связи. В долинах Йоркшира и Ланкашира начинали зарождаться первые предвестники промышленной революции. Войны велись где-то далеко, на чужих берегах. Дома же царил мир и покой. Англия еще не превратилась в страну, открытую для всех талантов, но предпринимательские дарования в ней приветствовались, и Родня богатела и множилась.

Первое поколение Родни довольствовалось материальным успехом, второе же захотело большего. Они гордились именем англичан, но при этом их не допускали практически ни в одну уважаемую английскую структуру. Как евреи, они не могли ни получить лицензию на занятие адвокатской деятельностью, ни поступить в старинные университеты и, таким образом, буквально не допускались ко многим профессиям. Не могли быть членами муниципальных органов и парламента и, таким образом, отстранялись от государственной и гражданской службы. Есть сомнения, что они могли владеть землей. Все это не означало, что они были изгоями в обществе. Они принимали у себя вельмож, и их принимали при дворе, но то, что они

¹ Имеются в виду знаменитый командующий британским флотом Горацио Нельсон и Уильям Питт-младший, возглавлявший кабинет министров Великобритании в общей сложности около 20 лет. (Здесь и далее примеч. пер.)

считались гражданами второго сорта, сильнее, чем что-либо иное, усугубляло их унижение. И они сплотились в упорной борьбе за то, чтобы снять с себя эти ограничения. К 1830-м годам уже были евреи-юристы. В 1855 году появился первый еврей – лорд-мэр Лондона, в 1858-м – еврей – член парламента, а в 1886 году – еврей-пэр.

Почти во всех странах Европы была своя доля Hof Ju-den – придворных евреев, блиставших во главе своей общины, не будучи ее частью и, более того, часто глядя на нее с надменным презрением. Родня не была совершенно лишена этого элемента, но в целом ее члены всерьез воспринимали свой долг перед религией и единоверцами. Они добровольно регулировали вопросы оказания помощи бедным, а позднее создали Еврейский попечительский совет, чтобы кормить голодных и одевать неимущих, дабы ни одному еврею не приходилось просить милостыню. Они открывали и материально обеспечивали еврейские школы. Строили синагоги и поддерживали авторитет священнослужителей. Защищали веру и верующих.

Ими двигало и великодушие, и своекорыстие, ибо неевреям все евреи казались на одно лицо, и в конечном счете их положение и судьба были неотделимы от положения и судьбы еврейских масс.

Но в первую очередь таким образом они отзывались на совместное влияние двух традиций: еврейской, говорившей, что обеспеченный человек должен давать, и английской, говорившей, что человек высокого положения должен служить, и они возглавили свою общину так же естественно, как дворяне рыцарского звания могли возглавлять ее в своих графствах. (Евреи рыцарского звания, наделенные необычайным чувством ответственности, часто бывали главами своих общин и в графствах, и в еврейской среде.)

Родня представляла собой не просто группу родственников. Во многих смыслах они функционировали как единое органически связанное целое и даже в то время, пока их собственные права еще не имели твердых гарантий, использовали свои богатства и авторитет для помощи гонимым единоверцам в других областях мира. Везде, где бы ни притесняли евреев, посланцы от них спешили в Англию – к Ротшильдам, к Монтефиоре, к Родне.

Евреи других западных стран тоже усиленно старались применять свое влияние подобным же образом, но английскому еврейству помогало то, что оно действовало в рамках уже утвердившейся традиции либерализма и гуманизма. Англичане поддерживали угнетенных в Греции, Польше, Венгрии, Болгарии и Латинской Америке, порой как одиночки – идеалисты и романтики, но нередко и при активном содействии правительства, и Родня показала бы свою несостоятельность не только как евреи, но и как англичане, если бы не так активно выступала от имени своих единоверцев. В такой ситуации не существовало опасности, что за эти труды их обвинили бы в служении двум господам, пока не возникло движение, стремившееся решить еврейский вопрос посредством создания еврейского государства. И в этот момент Родня отшатнулась от него – упадок ее влияния по времени совпадает с подъемом сионизма.

Представители Родни, как большинство их современников, верили в возможность усовершенствования мира, в то, что мало какие проблемы нельзя решить упорным старанием и доброй волей, в то, что солнце, так тепло и неизменно ласкавшее их своими лучами, со временем должно воссиять и над другими, более холодными уголками мира.

А жизнь у них, даже еще до окончательной эмансипации евреев, была весьма безоблачной. Мало кто из них настолько беспокоился из-за чужих бед, чтобы не наслаждаться собственным везением, но большинство, отдав полагающуюся долю времени и дохода на добрые дела, со спокойным сердцем возвращалось к приятностям своей жизни. У них были красивые особняки в городах и чудесные поместья на пасторальных просторах и множество слуг, готовых удовлетворить все их многочисленные потребности. Детство вспоминалось им чередой ленточек и соломенных шляп, летящих юбок и пикников в теплые деньки под раскидистыми кронами деревьев и лошадок-пони, поездок на легких тележках и фаэтонах, а потом, когда год приближался к концу, шумных праздников в залах с высокими потолками вокруг увешанных

шарами рождественских елей. Их отцы охотились в собственных угодьях и рыбачили в своих личных озерах, посылали сыновей учиться в знаменитые школы и прославленные университеты, а потом отправляли в длительную поездку по разным странам для завершения образования, прежде чем эти сыновья переходили к степенной семейной жизни, дому, партнерству в банке и обязанностям, кои налагали на них знаменитое имя, положение и религия. На троне восседала Виктория, Британия процветала, империя гордилась могуществом. В те дни принадлежать к среднему классу было истинным благословением, а принадлежать к англичанам – даже к английским евреям – было подлинным раем на земле.

Глава 2

Инородцы

Еврейское рассеяние старше еврейского изгнания. При жизни Христа, когда Иудея, даже находясь под властью Рима, пока еще оставалась национальным государством, по Римской империи было разбросано больше евреев, чем жило в самой Иудее. Однако их настоящие странствия начались уже после разрушения Второго Храма в 72 году нашей эры и ряда неудавшихся выступлений за независимость. Множество иудеев перебралось восточнее, в Вавилон, другие ушли на запад в Египет или за море в Испанию, Италию и Францию.

Где бы евреи ни поселялись, как правило, они оказывались под властью Рима. В Иудее на иудаизм смотрели как на подрывную идеологию, а за ее пределами к нему относились терпимо. Но с распространением христианства над изгнанниками стусилась поистине черная тьма.

Первые погромы совершили во Франции и на Рейне в 1096 году крестоносцы по дороге в Святую землю. Постепенно евреи превратились в парий. Само их существование находилось под угрозой, и их печальные сборища брели туда-сюда в вечной надежде, что с переменой места переменится и их судьба. Они шли туда, где к ним относились терпимее, и уходили оттуда, где их угнетали.

В XI веке Нормандия предлагала им относительно спокойное пристанище, а когда норманны пересекли Ла-Манш, за ними отправилась и часть евреев. К середине XII века небольшие еврейские общины возникли в Лондоне, Оксфорде, Кембридже, Стамфорде и других городах и уже добились такого благосостояния, что вызывали зависть соседей.

Они спаслись от разорения, которому подверглись еврейские общины, лежавшие на пути крестоносцев, но не от обратного наката фанатизма, высвобожденного крестовыми походами. Некоторые из них нажили сравнительное богатство. Они были чужаками по обычаям, нравам и речи, а их ритуалы породили мрачные слухи. В 1144 году в Норидже при загадочных обстоятельствах пропал маленький мальчик, и молва уверенно заговорила о том, что его убили евреи для своих обрядов.

Такие же обвинения будут повторяться вновь и вновь, приводя к печальным последствиям в Глостере (1168), Бери-Сент-Эдмундсе (1181), Винчестере (1192), Лондоне (1244) и Линкольне (1255).

Самый трагический эпизод, однако, произошел в Йорке в 1190 году.

Согласно Ассизе о вооружении 1181 года, никому из евреев не позволялось владеть «кольчугой или хауберком», а впрочем, если бы у них и было разрешение на доспехи, едва ли это защитило бы их от озлобленной толпы. Поэтому в случае опасности они обычно искали защиты у королевской власти. Так, например, когда в 1189 году напали на нориджских евреев, они нашли убежище в местном замке. В том же году стамфордские евреи спаслись таким же образом. В Йорке они тоже бросились к замку, но местный шериф и несколько баронов, задолжавших евреям, присоединились к толпе. Их осаждали несколько дней, и тогда, отчаявшись спастись, они решили убить друг друга. Горстка уцелевших отдалась на милость нападавших, и, как только они вышли из укрытия, с ними зверски расправились. Все до единого мужчины, женщины и дети этой процветающей и богатой общины приняли смерть.

Случались и такие периоды, когда евреи получали передышку и возможность наладить жизнь, но почти всегда их облагали неправомерными поборами, а порой и прямо отбирали у них имущество. Как заметил один очевидец, «даже христиане жалели их и оплакивали их несчастья». В 1275 году они практически остались без заработка из-за принятого Статута об иудеях, который под страхом судебного наказания запрещал взимать проценты и таким образом фактически лишил их возможности легально добывать себе пропитание, и тогда кое-кто

из евреев нашел для себя нелегальные способы. В одном только Лондоне в 1278 году было повешено 293 еврея за подделку денег.

В 1286 году папа Гонорий IV издал буллу с осуждением евреев, где называл их «проклятыми» и «вероломными» и требовал от архиепископов Йоркского и Кентерберийского положить конец их «дерзостям, дабы полностью подавить и низвергнуть их ради вящей славы и достоинства католической веры». В День всех святых 1290 года евреи Англии, количество которых к тому времени сократилось менее чем до 3 тысяч душ, были изгнаны.

В других местах их положение было не таким прискорбным. В милостивое правление Казимира Великого (1333–1370) в Польшу хлынул большой поток евреев. Германия пока еще оставалась привлекательной хотя бы потому, что представляла собой лоскутное одеяло из мелких княжеств, и, если беда приходила в одно, можно было легко перебраться в другое. Но истинно счастливой гаванью в то время была Испания.

Страны исламского Полумесяца, как правило, относились к иудаизму гостеприимнее, чем страны Креста, и в мусульманской Испании евреи имели возможность подниматься на самые высокие государственные посты. Шмуэль ха-Нагид, выдающийся еврейский ученый и писатель, стал визирем в Гранаде, и под его покровительством там сложилась целая школа еврейской мысли и поэзии, в которую входили Соломон ибн Моше ибн Эзра и Иехуда ха-Леви. Этот золотой век был коротким. По стране быстро распространялось христианство, а с ним эшафоты и костры. Евреев заставляли креститься под угрозой меча, но и это не всегда помогало им спастись. В 1473–1474 годах ряд чудовищных массовых боен резко сократил численность еврейских общин на Пиренейском полуострове. В 1478 году была введена инквизиция, а в 1492 году евреев изгнали из Испании.

Одни отправились на юг в Северную Африку, другие – на восток в Италию, Грецию и другие средиземноморские страны. Многие перешли границу и поселились в Португалии. Наступила короткая передышка, но вскоре и Португалия последовала примеру соседей, и с начала XVI века единственными евреями, которые еще оставались на всем полуострове, были марраны². Они, внешне исповедуя христианство, тайно хранили свои иудейские традиции под постоянной угрозой мученической смерти.

Многочисленные семьи марранов перебрались в северные испанские владения – в Нидерланды. Когда голландцы взбунтовались против Испании и в 1581 году образовали Республику Соединенных Провинций, началась новая эпоха еврейской истории. Наконец-то евреи нашли страну, где они могли отправлять свой религиозный культ в относительной свободе и преуспевать без гонений. Марраны вновь получили возможность открыто исповедовать иудаизм, хотя многие из них, чьи отцы шли на риск мученичества ради того, чтобы сохранить свою веру, теперь, обретя свободу, решили от нее отказаться. Евреи стали играть заметную роль в торговле с Вест-Индией, Южной Америкой, Северной Африкой и Балтикой. Они открыли талмудические школы (в одной из таких в юности учился Спиноза). Они получили право поступать в университеты и делать карьеру в разных профессиях. К концу XVII века голландские евреи пользовались всеми правами и привилегиями, которых евреи в других странах Западной Европы не имели вплоть до Французской революции.

В Англии все еще действовал эдикт об изгнании. В 1650 году Манассе бен-Израиль, голландский раввин марранского происхождения, опубликовал трактат *Spes Israelis*, «Надежда Израиля», где доказывал, что приблизился тысячелетний срок, ибо, согласно древнему пророчеству, Израиль «рассеян среди народов» по всем четырем сторонам света и теперь евреям осталось только добраться до Англии, чтобы рассеяние стало полным. Его идеи вызвали в Англии некоторый переполох. В XVI веке в стране было большое религиозное брожение, высказывались бесконечные метафизические предположения и догадки. Перевод Библии на

² Марраны – крещенные евреи в Испании.

английский язык познакомил народные массы с библейским пророчеством и заинтересовал судьбой евреев, и теории Манассе бен-Израиля убедили немало людей. Кромвель к ним не относился, зато он понимал, какие коммерческие выгоды евреи принесли Голландии и могли бы принести Англии. В 1655 году Манассе бен-Израиль официально обратился к лорд-протектору с прошением позволить евреям снова поселиться в Англии, но, хотя оно и получило некоторую поддержку, общественное мнение все же было настроено против. Хватало и церковников, по-прежнему убежденных в вероломстве иудеев, и купцов, опасавшихся конкуренции со стороны евреев, да и прочих, у которых само слово «еврей» вызывало в уме картины мрачного и зловещего кагала.

Однако были в Англии евреи-марраны, которые чувствовали себя уже достаточно осмелевшими, чтобы выйти из тени, и в 1656 году они обратились к Кромвелю с прошением о «благорасположении и защите» и о праве частным образом собираться для богослужений.

Их желания были удовлетворены. Евреи сняли помещения для синагоги, приобрели землю для кладбища. Так возникла и упрочилась община, но скорее не по законному праву, а самочинным образом. Эдикт об изгнании так и не был отменен и по сей день числится в книге статутах.

Это новое еврейское поселение по существу представляло собой ответвление голландской общины и полностью состояло из сефардов, то есть семей, происходящих с Пиренейского полуострова. Постепенно начался приток ашкеназов, евреев германского и польского происхождения. Из-за серии погромов в середине XVII века сократилась численность больших еврейских общин на Украине и в отдельных частях Польши и началось великое переселение на Запад: из Польши в Германию, из Германии в Голландию, а оттуда по накатанной дорожке в Англию, и этот путь повторится в куда более крупном масштабе два века спустя. К 1690 году в Лондоне уже проживало достаточно ашкеназов, чтобы они открыли свою собственную синагогу.

Сефарды несколько отличались от ашкеназов по ритуалам и значительно – по культуре. Сефарды унаследовали традиции самого блестящего из еврейских сообществ в рассеянии, которое внесло не последний вклад в высокий уровень цивилизованности мавританской Испании. Но даже после изгнания они, будучи выкрестами, оставались в главном течении европейской культуры и могли приобщиться к экономическим возможностям, созданным благодаря открытию морского пути вокруг Африки и континентов Нового Света.

Ашкеназы пребывали в узких границах своих гетто в мелких польских городках или немецких *Judengasse*³, и, если можно так сказать, история прошла мимо них. Они испытали на себе все лишения и превратности лет после Реформации, но почти не имели доли в ее выгодах. Дело было главным образом в наличии возможностей и окружающей среде. Евреи, которым удалось выбраться из мрака отсталых стран на передний край развития, вскоре восполнили потерянное время. Первыми магнатами из английских евреев стали сефарды. Почти все их преемники были ашкеназами.

Революция 1688 года и приход к власти Вильгельма Оранского привели за собой многочисленную группу состоятельных евреев, и король поощрял прибытие новых. Семейство Суассо финансировало переезд его двора в Англию. Мачадо, Перейра и Соломон де Медина организовали продовольственное снабжение его армий. Медина, получивший рыцарское звание в 1700 году, первым из иудеев удостоившийся такой чести, также занимался снабжением армий герцога Мальборо и сделал для него то, что в будущем сделают Ротшильды для Веллингтона, за исключением того, что Веллингтон не требовал себе комиссионных, а Мальборо запросил и получил комиссию в 5000 фунтов в год.

³ Еврейский квартал (*нем.*).

Заключение контрактов на подряды стало в своем роде специализацией евреев. Джозеф Мендес да Коста помог наладить снабжение фламандской армии в 1710 году; Абрахам Прадо и Давид Мендес да Коста были активными поставщиками на европейских фронтах во время Семилетней войны (1756–1763); Давид Франкс – вот уже начали появляться ашкеназы – был начальником службы снабжения в Америке, а Аарон Харт был при Амхерсте в Канаде.

Время шло, евреи становились активными брокерами на бирже и банкирами, а некоторые разбогатели на торговле с Вест- и Ост-Индией. Когда дочь Израэля Левьена Самолонса, клэптонского купца, занятого в ост-индской торговле, вышла за Бенджамина Голдсмида в 1787 году, в приданое она принесла ему 100 тысяч фунтов.

Самым выдающимся евреем XVIII века и одним из наиболее влиятельных банкиров страны был Сампсон Гидеон⁴, родившийся в Лондоне в 1699 году, сын Реуэля Абудиенте, скопившего состояние на торговле с Вест-Индией. Абудиенте был активным прихожанином сефардской синагоги, которая открылась на улице Бевис-Маркс в лондонском Сити в 1702 году. Поначалу его сын разделял интересы отца и принимал участие в издании литературы на иврите, которую публиковала синагога. Свою карьеру он начал с продажи лотерейных билетов и в тридцать лет стал одним из двенадцати еврейских брокеров на бирже, после чего его дела резко пошли в гору. Во время паники из-за восстания 1745 года, когда якобиты дошли до самого Дербя и готовились напасть на Лондон, Гидеон сформировал консорциум из еврейских брокеров, которые ссудили правительству более миллиона фунтов, чтобы поддержать уверенность публики в том, что государственная казна не пустует, и этот поступок, учитывая настроения того периода, похоже, совмещал в себе патриотизм с безрассудством.

Однако евреи пока еще так и не освободились от препятствий. В 1744 году суд постановил, что завещательные дары синагоге недействительны, ибо, по заявлению суда, иудейскую религию в Англии не терпят, а только лишь попустительствуют ей. Евреи не могли при обычных обстоятельствах стать полноправными гражданами города Лондона и, таким образом, не имели права заниматься розничной торговлей в его границах. В отдельный момент времени на бирже могло быть не более двенадцати евреев-брокеров. Они не допускались в некоторые торговые компании. Есть сомнения в том, что они могли владеть землей.

Некоторые препятствия объяснялись тем фактом, что многие из евреев были приезжими, а те, кто желал натурализоваться – что само по себе было дорогостоящей и запутанной процедурой, – по закону, принятому в парламенте, обязаны были совершить причастие.

В 1753 году евреи, как и правительство, считали, что общественное мнение, отчасти благодаря стараниям еврейских брокеров во время событий 1745 года, настроено достаточно благосклонно для изменения законов о натурализации. И те и другие ошибались. Закон действительно прошел, но вскоре его отменили, ибо «еврейский билль», как его называли, вызвал одну из самых яростных антиеврейских вспышек, которые только знала Англия. Город наводнили памфлеты с критикой изменений. Сторонников закона высмеивали. Чернь расхаживала по городу с криками «Нет евреям, нет деревянным башмакам!». Один сатирик заявил, что собор Святого Павла превратят в синагогу, запретят ввоз свинины, а Рождество упразднят.

Больше всего от недовольства пострадал Сампсон Гидеон, так как он был самой видной фигурой общины, евреем с большой буквы. Он сознавал, какую опасность таит чрезмерная открытость, и колебался, разумно ли вообще настаивать на принятии этого закона, но, как только Маамад – руководство синагоги на Бевис-Маркс – решил действовать, он уже не мог публично отойти в сторону. В итоге его осыпали безжалостными насмешками как ложного мессию, который пытался провести билль за золото.

⁴ Sampson – таково обычное написание его имени в английской литературе, хотя сам он писал свое имя как Samson, Самсон, но для сына выбрал вариант Sampson.

Гидеон, уже достаточно издерганный чернью, пришел в ярость, узнав, что Маамад истолковал его неохотное согласие как пылкую поддержку, и 5 сентября 1753 года вышел из конгрегации и официально разорвал связи с еврейской общиной.

Фактически он уже частично сделал это, когда женился на иноверке – тогда это было нечто неслыханное для практикующих иудеев, и его дети воспитывались по-христиански. Будь он человеком попроще, его, вероятно, выгнали бы из конгрегации, но синагоге на Бевис-Маркс льстило, что в их рядах находится столь крупная фигура, и даже после того как Гидеон отправил письменное заявление, где говорилось: «Я не принадлежу и более не буду принадлежать к вашей общине и конгрегации», некоторые все еще колебались насчет признания его ухода. Возможно, они подозревали, что его уход был неискренним?

В 1757 году дочь Гидеона Элизабет не без помощи 40-тысячного приданого вышла замуж за виконта Гейджа. В следующем году Гидеон организовал для Георга II крупный заем в трудных обстоятельствах и надеялся, что благодаря этому и сам попадет в число дворян. Он просил герцога Девонширского походатайствовать за него. Гидеон ссылаясь на то, что родился в Англии, женат на англичанке протестантского вероисповедания и все его сыновья и дочери крещены вице-деканом собора Святого Павла через несколько дней после рождения.

Герцог вернулся с пустыми руками. Король, по его словам, «по виду к вам чрезвычайно расположен, говорил о вас очень благосклонно и сказал, что лично не имеет никаких возражений против удовлетворения вашей просьбы, но, поскольку вы не воспитаны в вере нашей страны, он опасается, что это вызовет скандал...». И действительно вызвало бы.

На следующий год Гидеон сделал новую попытку. Он помог правительству провести переговоры о займе в 6 600 000 фунтов, который одно время угрожал сокрушить своим непосильным бременем кредитную структуру страны, и полагал, что, еврей он или не еврей, а имеет право на некоторую небольшую признательность.

И он ее получил, но только через своего сына, учившегося в тот момент в Итоне. Подобно многим еврейским отцам, ему пришлось довольствоваться тем, что он обеспечил своим детям то, чего не смог добиться для себя. Из его письма к сыну видно, что его гордость смешивалась с разочарованием:

«Дорогой Сампсон!

Король своей жалованной грамотой соблаговолил возвести тебя в достоинство баронета. Это низжайшее наследственное звание, но это пока лишь первый шаг. Лыщу себя надеждой, что ты сумеешь возвыситься благодаря собственным заслугам...»

Юный Сампсон действительно возвысился и стал виконтом, но по такому случаю отказался от отцовского имени и взял девичью фамилию матери – Ирдли. Наследников он не оставил, и титул умер вместе с ним.

У Гидеона был городской дом на Линкольнз-Инн-Филдс и сельская резиденция – Бельведер-Хаус в Ирите, в графстве Кент, которая прежде принадлежала лорду Балтимору. Кроме того, он приобрел имение Сполдинг в Линкольншире и, поскольку было неясно, имели ли евреи право владеть землей, обеспечил свое право собственности частным парламентским актом. В 1747 году он получил разрешение на ношение оружия, но дворянский титул не давался ему в руки до самой его смерти. Гидеон умер от водянки в 1762 году.

«Умер Гидеон, – писал его современник, – он стоил больше, чем вся земля Ханаанская. Он завещал передать все свое молоко и мед после сына и дочери и их детей герцогу Девонширскому⁵, не настаивая на том, чтобы герцог взял его имя или совершил обрезание».

⁵ По завещанию Гидеона, его поместья должны были отойти герцогу Девонширскому, одному из его душеприказчиков, в том случае, если его дети умрут бездетными.

В своей последней воле Гидеон отписал 2 тысячи фунтов «Сыновьям духовенства»⁶, тысячу бедным жителям Ирита, тысячу одной лондонской больнице. А затем шел один пункт, от которого все остолбенели. Тысячу фунтов он завещал синагоге на Бевис-Маркс с условием, чтобы его похоронили на еврейском кладбище и поминали его имя вместе с другими благодетелями общины в поминальной молитве в Йом-кипур. Далее указывалось, что после своего отпадения от синагоги он продолжал анонимно вносить в нее ежегодные взносы.

Все его желания исполнили, и в Йом-кипур⁷, если внимательно прислушаться, можно услышать его имя, под которым он был известен в своей конгрегации, – Сампсон де Реуэль Абудiente.

Гидеон старался обеспечить себе местечко получше и на земле, и на небе, хотел наслаждаться положением и жизнью английского сельского джентльмена, но не забывал и о душе; словом, хотел жить как христианин, а умереть как иудей. В какой-то степени это ему удалось.

Преемником Гидеона на бирже стал Джозеф Сальвадор, один из первых еврейских директоров Ост-Индской компании, который также владел обширной собственностью в Лиссабоне и в обеих Каролинах, Северной и Южной. Он потерял одно состояние во время землетрясения в Лиссабоне в 1759 году и потом еще одно из-за краха Ост-Индской компании и в конце концов эмигрировал в Америку, где умер в весьма стесненных обстоятельствах в 1786 году. Его племянник и зять Фрэнсис Сальвадор, который первым уехал в Новый Свет за несколько лет до него, присоединился к повстанцам, поднявшим мятеж против Георга III, добился высокого положения в их рядах, но в 1788 году попал в руки индейцев, и те сняли с него скальп. Ему было 29 лет.

Некролог, посвященный Джозефу Сальвадору в американской газете, гласит: «Прежде он был весьма известным коммерсантом в Англии, одним из тех, кто предоставил ее правительству миллион денег в кратчайший срок во время восстания 1745 года, а также одним из крупнейших землевладельцев нашей страны».

Мозес Мендес, современник Сальвадора, сочетал в себе таланты финансиста и драматурга, но на первом поприще добился большего успеха, чем на втором. Его дед был врачом Екатерины Браганской, жены Карла II. Мендес женился на нееврейке, и его дети, воспитанные христианами, отказались от его фамилии и взяли фамилию матери – Хед. Среди их потомков были сэр Фрэнсис Бонд Хед, который служил под началом Веллингтона при Ватерлоо, и бригадир Энтони Хед (позже лорд Хед), военный министр в 1951–1956 годах и затем министр обороны.

Сефарды даже через век после нового переселения евреев в Англию все еще оставались узкой, ограниченной, сплоченной группой, по-прежнему сосредоточенной на внутренних делах, которая взирала на окружающий мир с некоторой опаской, особенно после беспорядков 1753 года. Маамад взял себе право цензурировать все, что публиковали члены конгрегации, и даже проповеди хахама, главного раввина, дабы не выносить сор из избы в случае каких-либо разногласий. Споры между своими улаживались внутри – как это происходит и сейчас у ортодоксальных иудеев – перед судом раввинов, однако один конфликт вырвался наружу и приобрел известность.

Речь шла о Китти да Коста, которая в семнадцать лет вышла замуж за пожилого члена общины – Джозефа да Косту Вильяреала, который скончался через три года, оставив ей сына, дочь и безмерное богатство. Всего через несколько дней после смерти мужа юная вдова обручилась с его кузеном, Филипом Мендесом да Костой, молодым человеком самого сомнительного характера, с которым она была знакома с детства и, более того, уже прежде была обручена.

⁶ «Сыновьям духовенства» – благотворительная организация, оказывавшая помощь нуждающимся англиканским священникам и их семьям.

⁷ Йом-кипур – в иудаизме самый важный из праздников, день поста, покаяния и отпущения грехов.

Родители Китти возражали против их брака и увезли ее в семейное поместье в Тоттеридже. Жених пытался увидеться с ней, но наткнулся на категорический отпор и тогда подал жалобу в Верховный суд о нарушении обещания. Дело даже не стали рассматривать. Он предпринял новую попытку, потребовав возмещения убытков, и снова был отправлен восвояси ни с чем. В конце концов Китти выдали за Уильяма Меллиша, члена парламента, и их дети были крещены. Ее дочь вышла замуж за второго виконта Голуэя, среди потомков которого был покойный маркиз Крю, чья вторая жена, в свою очередь, происходила из рода Натана Майера Ротшильда.

Были и десятки других поначалу верных сынов своей общины, потомков которых через одно или два поколения поглотило христианство, и они укрепили собой редкие ряды английской аристократии. Среди них было, к примеру, семейство купцов-сефардов Франко, которое в будущем породило лорда Ладлоу и виконта Бледислоу; герцог Сент-Олбанс происходит из рода Джейкоба Израэля Бернала, казначея синагоги на Бевис-Маркс; лорд Терлоу, лорд Донингтон, графиня Лаудонская, виконтесса Сент-Дэвидс, барон Грей, лорд Ритин, бывшая герцогиня Норфолкская – все они происходят от Пеллегрини Тревеса, итальянского еврея, который поселился в Лондоне в 1740 году и, в свою очередь, происходил от Раши, средневекового ученого, одного из величайших еврейских мудрецов всех времен.

И наконец, можно вспомнить семейство Хименес, которое сначала скопило немалое состояние в Сити, а затем добилось высокого положения в вооруженных силах. Два брата, Моррис Хименес и Дэвид Хименес, получили рыцарское звание. Когда в 1807 году первый обратился за разрешением на ношение оружия, он сообщил Гербальдической палате, что «он сам и его семья всегда носили герб... сходный с тем, что носил кардинал Хименес, архиепископ Толедский, примас и регент всей Испании и Кастилии, ибо, по преданию, он происходит из побочной ветви кардинальского рода».

Отнюдь не у всякого еврея, который отпадал от веры, среди потомков рождались герцоги, а лишь у тонкой позолоченной верхней прослойки, которая наладила достаточно прочные социальные связи с внешним миром, чтобы создавать семьи с христианами.

В конце XVIII века в Англии проживало около 20 тысяч евреев, три четверти – в Лондоне, а из них большинство ютилось на улочках вокруг синагоги на Бевис-Маркс и трех ашкеназских синагог – Большой, Новой и Хамбро (ашкеназов было больше, и они чаще пререкались между собой). Но те, кто добился процветания, оставаясь прихожанами лондонских синагог, приобретали себе виллы на окраинах столицы.

Начинал складываться средний класс из часовщиков, оптиков, врачей, учителей, торговцев, а под ним – многочисленный класс нищих.

Гонения на евреев в Восточной Европе заставляли их течь на Запад непрерывной рекой, которая в конце концов переполнила Лондон. Ашкеназы уже не могли справиться с этим потоком, и в 1771 году, пытаясь положить ему преграду, Большая синагога отказалась оказывать помощь иноземным евреям, «которые покинули свои страны без убедительных причин». Некоторые из новоприбывших с надеждой обратились к синагоге на Бевис-Маркс, но получили от ворот поворот: «...Благотворительные заведения, учрежденные испанскими и португальскими евреями, – было сказано им, – имеют целью помощь исключительно своим братьям, кои либо бежали от возможных притеснений, либо попали в трудное положение из-за других несчастий, и не намерены поощрять немецких, голландских и польских авантюристов.»

И не только на таком нижнем уровне сефарды не желали иметь дел с ашкеназами. Они были готовы разговаривать с ними по вопросам, касающимся евреев в целом, но социально предпочитали держаться на расстоянии. Например, в 1745 году Джейкоб Берналь заявил, что хочет жениться на ашкеназке. Маамад скрепя сердце дал ему разрешение на свадьбу, однако никто из раввинов конгрегации не согласился провести церемонию, и в синагоге не позволили устраивать никаких празднований. Когда в 1772 году другой прихожанин, Ашер дель Бланко, захотел последовать примеру Бернала, ему попросту отказали. Но даже эта закрытость

давала сбои. Она не имела никаких религиозных оснований, главным образом это объяснялось общественными предрассудками. Если сефарды заключали браки с ашкеназами, это практически всегда означало, что они брали себе в жены или мужья людей не своего класса. Однако со временем значительно усилился приток состоятельных ашкеназов – семейств Коэнов, Голдсмитов, Гомперцов и Уэйли из Голландии и Натана Майера Ротшильда из Германии. В 1812 году Мозес Монтефиоре, отпрыск одного из ведущих родов общины Бевис-Маркс, женился на дочери Леви Барента Коэна из голландского Амерсфорта, а три года спустя его брат Абрахам женился на сестре Натана Майера Ротшильда. Богатство знает мало преград, и к концу XVIII века уже появилась на свет Родня, которая будет править английскими евреями в следующие полтора века и играть значительную роль в жизни страны вообще.

Глава 3

Братья Голдсмит

Голдсмит, Голдшмидт, Голдсמיד – варианты написания фамилии менялись в зависимости от местонахождения ее носителей. Английской ветви больше нравился один вариант, немецкой – другой, голландской – третий, но что объединяло их всех, так это Мидасов талант и забота о благополучии братьев. Они были богаты, благоразумно пользовались своим богатством и щедро его раздавали.

Английскую ветвь семьи основал Аарон Голдсמיד, который прибыл в Лондон в 1763 году и умер восемнадцать лет спустя, оставив четырех сыновей и четырех дочерей.

Его отец Бенедикт Голдшмидт был видным членом амстердамской еврейской общины и коммерсантом, имевшим широкие связи в различных провинциях Германии. Свои Голдсмиты были во Франкфурте, Хамельне, Касселе, Гамбурге, и, возможно, Аарона отправили в Лондон, чтобы еще больше расширить эту сеть. Шаг оказался весьма удачным. Аарон открыл собственную фирму и наладил выгодные деловые отношения с фирмой «Абрахам Мокатта и сыновья», торговцами драгоценными металлами и агентами Банка Англии.

Еще раньше Мокатта вступил в партнерство с другим брокером – Александером Айзеком Кейзером, образовав фирму «Де Маттос и Кейзер». В 1787 году Ашера Голдсмита, сына Аарона, приняли туда партнером, а чуть позже он женился на дочери Кейзера. В 1799 году фирма сменила имя на «Голдсמיד и Мокатта». Четыре года спустя фамилии переставили местами, и с тех пор и по сей день фирма называется «Мокатта и Голдсמיד», брокеры драгоценных металлов, и ее до сих пор возглавляют представитель семьи Голдсמיד и представитель семьи Мокатта.

Джордж Голдсמיד, старший сын Аарона, также поступил в компанию «Мокатта и Голдсמיד», но младшие сыновья Абрахам и Бенджамин проявили самостоятельность и сами стали брокерами, сначала скромного уровня с конторой в Гудманз-Филдс, потом, когда дела их наладились, в Кэпел-Корте, возле Банка. В этом им помогло наследство в 15 тысяч фунтов от голландского дядюшки и большое приданое от невест. Абрахам женился на мисс Элиссон из Амстердама, которую в тогдашних хрониках называли «дамой со значительными средствами и обширными семейными связями».

Между тем, пока Абрахам укреплял свое положение, Бенджамин едва не погубил свое. Он вступил в связь с юной и миловидной дочерью пивовара и всерьез подумывал на ней жениться. Его родные прознали об этом, отправили его в длительную поездку по Европе, а девушке предоставили солидного мужа и более чем солидный пенсион. Через несколько лет Бенджамина познакомили с Джесси Саломонс, дочерью Левьена Саломонса, вест-индского торговца. По слухам, ее приданое составляло 100 тысяч фунтов, и, по мнению современников, деньги не были ее единственным достоинством: «Мисс Джесс в самом расцвете своей юности считалась достаточно красивой, чтобы внушать родителям некоторое беспокойство относительно гармоничного сочетания ее характера с другими совершенствами, ибо она была образована лучше, нежели обычно бывает прекрасный пол, а по мыслительным способностям превосходила всех своих родных. Словом, она, можно сказать, обладала существенными преимуществами по сравнению с дамами своего времени».

Они поженились в 1787 году, и обе семьи, по-видимому, с облегчением приветствовали этот союз; однако он был обречен с самого начала и окончился трагедией.

Во время войн, последовавших за Французской революцией, правительство часто обращалось на рынок в поиске средств и однажды столкнулось с непомерными требованиями со стороны банкиров, которые так задрали проценты, что это никак не оправдывалось состоя-

нием рынка. В 1792 году братья Голдсмит сумели прорвать этот тесный круг, выставив заявку на предоставление правительственного займа. Банкиры стали искать самозванцев и нашли не очередной банк, но брокерскую фирму, чье название мало что говорило кому-либо из них, да и вообще кому бы то ни было. Шли годы, и они захотели разузнать побольше. Поскольку банкирский стовор был сорван, предложения займов стали выдвигаться на основе большей конкуренции, и братья зарабатывали на активизации рынка. Сочетание дерзости и деловой хватки сделало их практически неуязвимыми. Когда в черный день 1793 года ценные бумаги упали почти на 4,5 миллиона фунтов, их потери составили всего 50 фунтов. Историк Лондонской биржи писал: «Они были главными баловнями фортуны, которых она особенно любила». К концу века о них говорили с таким же придыханием, как о Бэрингах⁸.

Взломав спекулянтскую клику, братья Голдсмит заслужили дружбу молодого Питта, но в те моменты, когда он не входил в правительство – как, например, когда его сменил Эддингтон в 1801 году, – они почти не вели дел с государством. Кроме того, своим пренебрежением практике образования группировок с целью контроля над рынком они нажили себе немало врагов, которые и поодиночке, и, конечно же, объединившись могли принести им немало вреда. В 1795 году Голдсмиты выпустили заем на 18 миллионов, который должен был открыться для широкой публики и получил прозвище «Заем лояльности». Он открылся 1 декабря и за четыре дня превысил намеченную сумму. В 1797 году произошло массовое изъятие вкладчиками депозитов из Банка Англии, и выплаты наличными были приостановлены. Облигации упали на 47 процентов, и «Заем лояльности» был дисконтирован по ставке 14 процентов. Голдсмиты потеряли целое состояние. 1801 год тоже принес катастрофу. Они понесли большие убытки на займах и утратили поддержку правительства из-за падения Питта. В 1803 году Питт вернулся, и они получили передышку, но в 1806 году он умер, и прошло три года, прежде чем фирма «Б. и А. Голдсмит» получила еще один государственный контракт. К тому времени Абрахам уже вел дела самостоятельно.

В 1792 году Бенджамин приобрел в безусловную собственность имение на 60 акров в Рохэмптоне и построил там усадьбу в соответствии со своим, как он считал, положением в обществе. В его дни она считалась «украшением этой части Суррея». Некоторые посетители удостаивали ее сравнения с Виндзорским замком. Окрестные холмы срезали, деревья пересаживали, речки пустили по новому руслу, чтобы создать нужный ландшафт. Колонны и лестницы вытесали из прочного сиенского мрамора, и гости поднимались к дому, минуя стражу из массивных бронзовых статуй. В нем было множество гостиных и музыкальных салонов, бальный зал и даже частная синагога. Обеденный зал имел размер 60 на 40 футов и царствовал над всеми помещениями дома. Бенджамин Голдсмит был блестящим хозяином и считал гостеприимство своим призванием. Среди почетных гостей за его столом бывали Питт, Нельсон и герцог Кембриджский, а праздник, который он задал в честь победы Нельсона в битве при Абукире, вспоминали с благоговейным трепетом и два года спустя. По словам современника, все это было исполнено «в великолепнейшем стиле, превосходившем все, чего тщились добиться где-либо еще... Его усадьба восхитительно озарялась фейерверками. По всему дому разносилась музыка и шум танцев с маскарадами и проч. с перерывами на закуски, которые развлекали его гостей почти сутки напролет».

Кое-кто полагал, что его приемы – часть той цены, которую должен был платить еврей, желая удержать свое место на социальной лестнице, но он и сам нуждался в обществе, чтобы совладать со своей глубокой меланхолией, которая с возрастом только ухудшилась из-за подагры. Это был крупный, тучный, ожиревший мужчина. Под ним подгибались колени, подворачиваясь внутрь. При движении его мучила одышка. Лежа на спине, он был беспомощен, как черепаха, и ему приходилось братья за толстый шелковый шнур, висевший над кроватью,

⁸ Братья Бэринг – основатели и владельцы «Бэрингз банк», одного из крупнейших и старейших торговых банков Англии.

чтобы с его помощью подниматься с постели по утрам. У него было красное лицо, и ему часто отворяли кровь, что ничуть не улучшило его характера. У него случались вспышки ярости, настолько тяжелые и неуправляемые, что какое-то время бывал как бы не в себе.

К концу жизни его уже нельзя было оставлять одного. У жены были свои комнаты, и у подножия его кровати должен был спать слуга. Однако Бенджамин еще мог быть веселым, приятным, добрым и щедрым хозяином для работников, филантропом, доходившим чуть ли не до сумасбродства. Он много тратил на благотворительность, и еврейскую и христианскую поровну. Он был одним из учредителей Морского приюта⁹. Он покровительствовал искусствам и наукам, и, даже когда его тело обрюзгло, а дух омрачился, ум оставался на редкость остер, а его дом все так же был местом сказочных развлечений.

В воскресенье 10 апреля 1808 года, проведя веселый день в кругу родных и близких, он приказал приготовить ему экипаж на следующее утро, чтобы ехать в Сити, и удалился спать. Примерно в восемь часов утра он велел слуге подать ему рубашку. Слуга поспешил за ней и вернулся через минуту, но увидел, что дверь закрыта на замок и засов. Он поднял тревогу, со всех сторон сбегались слуги и дети. С трудом распахнули тяжелую дубовую дверь и увидели, что Бенджамин висит на конце своего шелкового шнура. Судебный дознаватель вынес вердикт о самоубийстве в состоянии психической неуравновешенности.

Умерев, Бенджамин оставил вдову и семерых детей. Его брак не был счастливым. Он был набожным иудеем и еще в молодости брал в поездки личного повара, отчасти потому, что был привередлив в еде, но главным образом чтобы тот готовил ему кошерные блюда. Главный раввин часто бывал у него в гостях и порой вел семейные молитвы. Бенджамин даже отвел небольшой участок у себя в поместье, где выращивал пшеницу особого сорта на мацу (пресный хлеб, который едят на Песах) для главного раввина. Но его личная жизнь, надо признать, состояла не только из молитв и размышлений, и ни религиозные взгляды, ни даже ожирение и болезни не мешали ему волочиться за молоденькими женщинами, а бывшую горничную он сделал своей любовницей. У его жены были некоторые сомнения насчет иудаизма, которые едва ли могли уменьшиться из-за его поступков, и через четыре года после его смерти она окрестилась вместе с семьей детьми.

Абрахам разделял склонность своего брата к меланхолии, и какое-то время родственники не сводили с него глаз, боясь, как бы он не последовал примеру Бенджамина, но постепенно к нему вернулось прежнее присутствие духа.

В 1809 году «Б. и А. Голдсмит» успешно управились с 14-миллионным государственным займом и на следующий год объединились с банком Бэрингов, чтобы профинансировать еще один заем – в 13,4 миллиона фунтов. Он был выпущен в атмосфере бума. Затем последовал внезапный спад, и через несколько месяцев акции котировались на 3 процента ниже. Абрахам забеспокоился – у него на руках все еще оставалось акций на миллион фунтов, но пока не отчаивался, так как за его спиной стоял сэр Фрэнсис Бэринг. 11 сентября сэр Фрэнсис умер, «Бэрингз банк» вышел из игры, и тяжесть всего займа пала на Абрахама. К концу месяца акции шли еще на 6,5 процента дешевле. Банкиры, помнившие дерзость Голдсмитов в 1790-х, с мрачным злорадством смотрели на то, как он шатается под бременем. И тут на его плечи легла последняя соломинка. Ост-Индская компания разместила в его компании казначейских векселей на 500 тысяч фунтов для продажи, из которых только 150 тысяч фунтов нашли покупателя. Когда рынок начал проседать, дала отбой. Абрахам мог бы еще взять заем, чтобы преодолеть кризис, но уже не полностью владел собой. Ему казалось, что всё и вся против него. «Я отомщу, – рычал он, потрясая кулаком в адрес невидимого врага, – я отомщу!»

⁹ Морской приют – благотворительная школа для сирот – детей моряков и военных, погибших в бою, защищая интересы Великобритании.

Его близких беспокоило его психическое состояние, и с особой тревогой за ним следила леди Эмма Гамильтон.

После гибели Нельсона в Трафальгарском сражении Эмма осталась со скромными средствами и большими долгами, и Абрахам организовал для нее заем, чтобы помочь ей справиться с временными, как он надеялся, трудностями. Трудности оказались довольно постоянными, и несколько лет спустя он снова пришел к ней на помощь: вместе с сэром Джоном Перрингом – лорд-мэром Лондона – и еще двумя-тремя влиятельными лицами Сити они решили посодействовать ей в ходатайстве о пенсии. Правительство, похоже, сочло, что пенсия для любовницы адмирала будет плохим прецедентом. Так или иначе, Эмма денег не получила. В ее карманах опустело, и ей пришлось выставить на продажу сельский дом в Мертоне. Желающих купить его не нашлось. Эмма оказалась в отчаянном положении, и в конце концов Абрахам приобрел его за 13 тысяч фунтов. Он прекрасно жил у себя в Морден-Холл и на эту сделку, по-видимому, пошел из рыцарских побуждений. Мертон представлял собою мрачную, неприятную громаду, которая никому не принесла удачи. «Есть в этом месте что-то зловещее, и вряд ли оно когда-нибудь развеется», – сказал Джордж Мэтчем, племянник Нельсона и один из друзей Абрахама.

13 тысяч фунтов хватило ненадолго, и в 1810 году Эмма обратилась к Абрахаму за очередным займом. Он как раз занимался ее делом, когда его постиг крах. Она услышала о его невзгодах. «Надеюсь, все устроится лучше, чем он думает, – писала она 27 сентября. – Он хороший человек, жаль, что ему пришлось страдать».

На следующий день его нашли мертвым с пулей в горле.

Братья Голдсмит были первыми из евреев, кто проник в королевский круг, и в пятницу 14 апреля 1809 года Абрахам Голдсмит принимал у себя в городском доме на Финсбери-сквер трех сыновей Георга III – герцогов Кембриджского, Кумбрелендского и Сассекского – и сводил их на вечернюю службу в Большую синагогу на Дьюкс-Плейс.

Ради такого случая дело обставили особыми церемониями. Дорогу до синагоги усыпали цветами, а у дверей их встретил молодой Натан Ротшильд, один из попечителей. Это произвело такое впечатление на герцога Сассекского, что он заинтересовался еврейской историей. Впоследствии он выучил иврит и выступал за эмансипацию евреев.

Как-то раз у себя в Мордене Абрахам принимал и самого короля.

Георг III и королева Шарлотта однажды прогуливались вдоль Темзы, как вдруг заметили великолепный особняк посреди красивого парка. Узнав, что он принадлежит Абрахаму Голдсмиту, король пришел в возбуждение. «Как, моему другу Абрахаму! Я должен немедленно его увидеть. Пойдите и скажите мистеру Голдсмиту, пусть приготовит нам какой-нибудь легкий завтрак, а мы сейчас же к нему поедem».

Сначала трапеза проходила весьма неловко, ведь король сидел за столом, а Абрахаму и его семье пришлось стоять. Через некоторое время король не стерпел. «Бросьте, Голдсмит, – проворчал он, – если вы не сядете за стол, я сам встану».

Нельсон, леди Гамильтон и разные члены королевской семьи часто навещали в Морден, но не все ценили тамошнее гостеприимство. «Не понравился мне их обед – еврейский, – написал у себя в дневнике один из почетных гостей. – Главный зал в доме очень пестрый, как и все комнаты, но безвкусный».

Лорд Нельсон как-то раз оказался за одним столом с Мозесом Монтефиоре, дальним родственником и близким деловым партнером хозяина дома, и по своему обыкновению богобоязненный Монтефиоре, невзирая ни на каких адмиралов, закончил вечер благодарственной молитвой на иврите и тянул ее строчка за строчкой, пока Нельсон сидел, потупясь, и думал, кончится это когда-нибудь или нет.

Обоих братьев Голдсмит обвиняли в неумеренных социальных амбициях. Возможно, им льстило внимание короля и они упивались своими связями со знаменитостями, но не столько

пробивали себе путь к вершине, сколько их поднимал туда сам масштаб их успехов. Их щедрость вошла в поговорку, но не золотом они вымостили себе дорогу наверх. Абрахам в особенности сочетал великодушие с рассудительностью, и многие его так называемые займы – включая те, что получила леди Гамильтон, – фактически были подарками. После его смерти среди его бумаг нашли неоплаченных обязательств более чем на 100 тысяч фунтов.

Абрахам Голдсмид, по словам его знакомого, «сочетал в себе редкие качества честности, великодушия и активного благодеяния». Но богатство, как бы щедро его ни раздавали, всегда вызывает злобу, и Уильям Коббет¹⁰ (который легко горячился по подобным поводам) писал: «Человек, скопивший такое безмерное богатство, не мог не понимать, что, чтобы не вызывать неудовольствия публики, он должен ей что-то давать и потому бросал нам жалкие крохи от своих сокровищ как милостыню, какую-то долю пенса на громадные суммы денег, нажитые им на торговле займами, казначейскими билетами и акциями».

Но, пожалуй, последнее слово можно предоставить автору некролога в «Таймс»: «На свете не так много людей, которые когда-либо совершали больше благодеяний для общества, и более либеральных в том, что можно считать их общественной деятельностью, чем мистер Абрахам Голдсмид; в самом деле, стоило кому угодно из какого угодно мыслимого класса едва познакомиться с ним, как его положение так или иначе улучшалось благодаря этому знакомству; так что список тех, кто обязан и кому следует быть обязанным ему из чувств благодарности или доброты за те или иные щедроты, практически бесконечен».

13 апреля 1808 года «Таймс» опубликовала такой же лестный отклик на смерть Бенджамина, но 19 апреля вышла с пояснением, должно быть уникальным в истории журналистики, которое гласило, что некролог напечатан по ошибке без ведома автора, и отрицало всякую ответственность газеты за него.

Братья Голдсмид быстро поднялись, прожили блестящую жизнь и трагически умерли. Было поистине нечто апокалиптическое в их кончине, и она породила слухи, что на них, да и на всем семействе Голдсмид, лежит проклятие, и этой уверенности, возможно, способствовала связь между старшим Голдсмидом и мрачной, загадочной фигурой рабби Шмуэля Якова Хаима Фалька.

Фальк изучал Каббалу, великий кодекс еврейской мистической мысли, и многие последователи наделяли своего учителя сверхъестественными силами. Говорили, что в Германии его приговорили к смерти за колдовство, а когда он поселился в Лондоне во второй половине XVIII века, вокруг него образовалась оккультная группа евреев и неевреев, видевших в нем нового пророка и поклонявшихся ему с трепетом благоговения. Он стал источником легенд: «Его комната освещена серебряными подсвечниками на стенах и лампой с семью разветвлениями посередине... и хотя масла в ней налито столько, чтобы гореть одни сутки, она не потухала уже три недели. Как-то раз он шесть недель прожил в уединении своего дома без еды и питья. Когда же по завершении этого срока десятеро человек были призваны зайти, они нашли его сидящим на троне, его голову увенчивал золотой тюрбан, на шее висела золотая цепь с подвеской и серебряной звездой с начертанными сакральными именами. Поистине нет других подобных ему в его поколении благодаря знаниям священных таинств».

У него был кучер и экипаж с четверкой лошадей, на которых он частенько ездил в Эппинг глубокой ночью проводить какой-то неизвестный ритуал. Однажды, по слухам, у него отлетело колесо, но кучер продолжал править, как будто ничего не случилось, и колесо следовало за экипажем всю дорогу до леса.

Аарон Голдсмид был, пожалуй, слишком здравомыслящим человеком, чтобы стать приверженцем Фалька, но он был его родственником и другом, давал ему финансовые советы и был назначен его душеприказчиком. Фальк умер 14 апреля 1782 года, перед этим он оставил

¹⁰ Коббет Уильям – английский публицист и историк.

у Аарона небольшой пакет со строгим наказом никогда его не вскрывать. Аарон, по крайней мере так гласит легенда, поддался любопытству, сломал печать, раскрыл пакет, и потом его нашли мертвым – со скомканным листком бумаги с каббалистическими письменами в руке.

Глава 4

Стрела в неизвестность – Натан Майер Ротшильд

Один американский путешественник, шагая по узким лондонским улочкам в 1835 году, заметил толпу людей, которая окружала какую-то фигуру во дворе. Его поразила и сама сцена, и эта фигура: «Это был человек непримечательного вида, с тяжелыми чертами лица, отвислыми губами и по-рыбьи выпуклыми глазами. Его фигуру, коренастую, нескладную и неуклюжую, облекали свободные складки просторного сюртука. Однако было что-то властное в его наружности и манере, и то почтительное уважение, которое, как казалось, добровольно оказывают ему, свидетельствовало о том, что это человек не простой. „Кто же это?“ – возник естественный вопрос. „Король евреев“, – отвечали мне. Толпясь вокруг него, люди совали ему в руки переводные векселя. Он бросал на бумажку один короткий взгляд, возвращал ее владельцу и, кивнув, поворачивался к новому просителю. Рядом с ним стояли два привлекательного вида молодых человека, весьма похожих на денди, и вели записи, чтобы не позабыть ни одной сделки дня, управляющей всеми биржами континента. Но и без их помощи он, как мне сказали, наизусть помнил каждую заключенную им сделку. Так что в этом деле его действительно можно было считать Королем».

Этим «королем» был Натан Майер Ротшильд, который уже приближался к концу своего жизненного пути.

Натан происходил из франкфуртского Юденгассе – еврейского квартала, где его предки жили поколениями, и все еще нес на себе его следы. Само имя Rot Schild – «красный щит» – указывало на место жительства семьи. Его отец Майер Амшель родился в 1744 году, потерял обоих родителей в возрасте двенадцати лет, и рано возникшая необходимость находить себе пропитание отточила его и без того предприимчивый ум. Еврею приходилось как следует вертеться, чтобы просто выжить в тех обстоятельствах, а чтобы добиться успеха, требовался настоящий гений. И молодой Майер добился успеха.

В то время Германия являла собой беспорядочное скопление мелких княжеств, у каждого свой правитель, таможенные барьеры и валюта, так что нельзя было далеко уехать, не прибегая к услугам денежных менял. Майеру еще не исполнилось двадцати, когда он, возможно унаследовав кое-что после смерти родителей, начал предоставлять эти самые услуги и обнаружил, что от случая к случаю ему в руки попадают монеты, антикварная ценность которых значительно превышает номинальную стоимость. Он стал торговать монетами и связался со страстным нумизматом князем Вильгельмом Ганауским. После того как князь получил от него немало редких монет, Майер попросил назначить его княжеским агентом. Чтобы отважиться на такую просьбу при столь скромных основаниях, требовалась большое нахальство и самоуверенность, а Майеру и того и другого было не занимать: «Осмеливаюсь просить вас об этом с тем большей уверенностью, что, ручаясь, не причиню вам никаких хлопот; в то же время что касается меня, то эта честь позволит мне занять более высокое коммерческое положение и всемерно поможет мне, и я совершенно убежден, что таким образом выйду в люди и разбогатею здесь, в городе Франкфурте».

Его желание исполнилось, и 21 сентября 1769 года новая табличка у его двери огласила, что М.А. Ротшильд является «агентом Короны княжества Гессен-Ганауского».

От него не требовалось ни платить пошлин за эту привилегию, ни выполнять каких-то обязанностей, однако она подняла его до такого положения, которое занимал мало кто из обитателей Юденгассе. Он вел дела с гоями, да не с простыми, а княжеского звания.

Еще раньше он начал ухаживать за Гутеле Шнаппер, семнадцатилетней дочерью респектабельного еврейского купца, и теперь почувствовал, что его положение достаточно прочно,

чтобы сделать ей официальное предложение. Они поженились в августе 1770 года, и после свадьбы с небольшими перерывами последовали дети: в 1771 году дочь, в 1773 Амшель, в 1774 Соломон, а в 1777-м Натан. Дальше целая череда дочерей, а потом еще два сына: Карл в 1788-м и, наконец, Якоб в 1792-м.

В 1785 году Вильгельм Ганауский унаследовал трон княжества Гессен-Кассель. К тому времени Майер, как видно, значительно увеличил свое состояние, тем более что и Гутеле принесла ему немалое приданое, и в 1789 году обратился князю с предложением своих услуг в переговорах по финансовым делам. Князь навел справки относительно честности Майера, а также его средств, и сведения, по крайней мере в отношении честности, его полностью удовлетворили, поэтому время от времени давал ему подзаработать. Еврей проявил энергичность и оборотливость, и поток сделок вырос.

Войны, начавшиеся после Французской революции, повысили стоимость услуг гессенских наемников – главной княжеской статьи экспорта – и расширили деловые возможности для дома Ротшильда. Вторжение в Голландию позволило Франкфурту на время перехватить у Амстердама роль главного денежного рынка Западной Европы, и это тоже благоприятствовало Ротшильду. Доход Майера за два десятилетия после брака оценивался в размере от 2 до 3 тысяч гульденов в год – по тем временам значительная сумма. В 1795 году – когда пала Голландия – доход подскочил до 4 тысяч, а в следующем году взлетел до 15 тысяч и даже больше. К концу века его состояние уже приближалось к миллиону марок.

Однако он по-прежнему жил в еврейском квартале и все так же переносил все беды и невзгоды обычного еврея из гетто. Он должен был, как и прежде, платить подушную подать. Выезжая за город, должен был уплатить еще один налог, а если оставался в другом месте на ночь, то снова платил налог. У него было двадцать детей, из которых выжило десять, и, когда и его семья, и состояние увеличились, он перебрался из ветхого жилья, в котором начиналась его семейная жизнь, в дом посolidнее на той же улице. Это было каменное строение, высокое и узкое, в четыре этажа, с чердаком наверху и небольшим садиком на крыше, и, куда бы тебе ни требовалось пойти, ты непременно должен был подниматься или спускаться по лестнице. Комнаты были обставлены скромно и забиты вещами и людьми; использовался каждый дюйм пространства, под каждой лестницей, в каждом уголке и закутке стояли шкафы и буфеты. Родители занимали небольшую спальню, а в двух остальных комнатах ютился целый выводок детей. Садик на крыше кому-то может показаться роскошью, но евреям во Франкфурте не разрешалось иметь сады, и этот садик на крыше позволял детям выбраться и подышать свежим воздухом. Более того, ортодоксальному иудею полагается иметь открытое место, чтобы ставить на нем палатку в Суккот, Праздник кущей, а Ротшильды были глубоко религиозны. Майер получил образование в ешиве, талмудической школе, и тщательно соблюдал все еврейские традиции. Его жена Гутеле являла собой классическую еврейскую мать семейства. Как и другие замужние ортодоксальные еврейки, она обрезаала волосы и носила объемистый парик, поверх которого надевала еще более объемистую шляпу. Это была женщина простых вкусов, но проникательная и прямая, и ее беспокоило, как бы деньги не принесли вреда ее родным. Никакая сила не могла заставить ее переехать из темного старого дома в Юденгассе, даже после того как умер ее муж, а дети поселились во дворцах. Она боялась, что, как только вся ее семья уедет из Юденгассе, от них отвернется удача.

Майер и Гутеле, быть может, и не сумели воспитать детей набожными иудеями, но все же внушили им один главный принцип – семья должна быть едина. «Все братья во всем должны стоять друг за друга, – наставлял Майер, – все должны отвечать друг за друга». Это был, можно сказать, семейный девиз, и он не потерял силы даже после того, как семью разбросало по всей Европе.

Ротшильды занимались не только займами и старыми монетами, но к тому времени торговали широким ассортиментом товаров – вином, мукой, тканями и уймой прочих готовых изде-

лий. Кризис европейских экономик из-за наступления французских армий позволил английским производителям сбывать едва ли не всю свою продукцию, и их посредники из-за этого стали вести себя довольно грубо и бесцеремонно. Натан раздражало их поведение, и он предложил отцу отпустить его в Англию, чтобы оттуда вести дела с производителями напрямую. Отец согласился, и в 1798 году Натан приехал в Манчестер, имея в кармане 20 тысяч фунтов, несколько рекомендательных писем и не зная ни слова по-английски.

Манчестер переживал военный бум. Амбициозные планы Наполеона вынудили Британию держать большую армию и военный флот, а кроме того, субсидии, которые она выплачивала своим союзникам на континенте, также поддерживали спрос на британские товары, особенно текстильные. Натан, который раньше занимался сбытом тканей, увидел, что можно сделать хорошую прибыль и на разных этапах производственного процесса. Поэтому он начал скупать полуфабрикаты, отдавал их в покраску и дальнейшую обработку, а потом продавал уже законченный продукт. Кроме того, он занимался красками и прочими товарами, например сахаром, кофе и вином. За пять лет он удвоил или утроил свой первоначальный капитал и обратил свое внимание на юг – Лондон.

Именно тогда он и свел знакомство с Леви Барентом Коэном, который, среди прочего, торговал льном.

Леви родился в Голландии в 1747 году, где его семья прочно обосновалась уже почти как век назад, выращивала табак, торговала зерном и множеством других товаров, имея широкие связи в Германии и Вест-Индии. В 1770 году он переплыл через Ла-Манш, чтобы наладить контакты с Лондоном, и открыл контору в Энджел-Корте на Трогмортон-стрит. Там он не был совсем чужим человеком. Несколько сестер Коэна вышли за братьев Голдсмит, и он смог обратиться к Абрахаму и Бенджамину не только как к единоверцам, но и как к родственникам. К концу века он уже поселился в большой вилле в Ричмонде. Он сохранил свою квартиру над счетной конторой в Энджел-Корте, и молодой Натан Ротшильд прожил некоторое время у него.

Леви был дважды женат, и у него хватало дочерей для любых поклонников, но, когда в 1806 году Натан попросил руки Ханны, он взял время подумать. У Натана была не та внешность, которая встретила бы одобрение даже отца с избытком дочерей. У него было умное лицо, голубые и добродушные глаза, но выпученные, и по временам они даже приобретали какое-то диковатое выражение. Курчавые волосы с рыжиной и оттопыренная нижняя губа довершали портрет. Но самое главное, фамилия Ротшильд ничего не значила. Однако молодой человек умел располагать к себе и обладал огромным упорством и в конце концов заполучил и Ханну, и приданое в 10 тысяч фунтов. Благодаря браку он также навел мосты с некоторыми из ведущих брокеров на бирже и попал в первые ряды маленькой, но растущей англосемитской элиты.

По совету Майера Ротшильда Вильгельм Гессенский сделал значительное вложение в английские ценные бумаги. Транзакции вел в Лондоне Натан, и, так как между датами покупки и завершением сделки был разрыв, он использовал средства для краткосрочных займов и покупки драгоценных слитков, цена на которые росла ежедневно. Однажды он выкупил целый корабль со слитками у Ост-Индской компании, которые тут же перепродал правительству с солидной прибылью.

Для того чтобы вести кампанию против Наполеона, нужно было постоянно вывозить драгоценные металлы, которые было трудно раздобыть и опасно перевозить, и поэтому канцлер казначейства Ванситарт обратился к Ротшильду, который, как было известно, имел связи на континенте, чтобы организовать их транспортировку. Операция, писал Ванситарт Джону Чарльзу Херрису, начальнику финансовой службы армии, представляла «чрезвычайную важность для государства», и ввиду «настоятельной срочности и секретности, а также влекомых ею рисков было бы разумно согласиться на два процента комиссии для мистера Ротшильда...».

Херрис сразу же вооружил Натана официальным письмом, датированным 11 января 1814 года:

«В случае если гражданские или военные власти станут чинить вам препятствия или какие-либо утеснения, вы вправе показать это письмо в доказательство того, что действуете от имени британского правительства.

Подписано: *Дж. Ч. Херрис*».

Так начались взаимовыгодные отношения между Ротшильдом и правительством, в ходе которых он перевез не менее 11 миллионов фунтов.

Натан разработал разные способы доставки и в качестве своего главного агента использовал младшего брата Якоба, жившего в Париже, которому тогда было всего 18 лет. Иногда это была тщательно подготовленная контрабандная операция, когда переодетый женщиной Якоб переправлял монеты через французский фронт, спрятав их под одеждой. Чаще он со скидкой покупал у Веллингтона векселя ниже номинальной стоимости, которые погашал в казначействе по номиналу, обычно получая наличные гинеи, а затем перевозил через Ла-Манш Якоба. Затем Якоб эти деньги передавал в обеспечение французским банкирам в испанских, сицилийских и мальтийских банках, которые, в свою очередь, снабжали Веллингтона наличными. Эти транзакции в процессе обогатили немало банков, а больше всего – Ротшильдов.

Правительство не осталось неблагодарным. «В связи с деятельностью мистера Ротшильда, – писал Херрис, – я не хотел бы упустить эту возможность засвидетельствовать искусственность и пыл, с которыми он оказал нам эту услугу, и в то же время настолько незаметно, что, по-видимому, это никак не сказалось на обстановке на бирже».

Ротшильд и Херрис вынуждены были работать над этой операцией в тесной связке и строгой тайне, что неизбежно породило многочисленные слухи о том, что Херрис неплохо на ней нажился. Сплетни снова поползли в 1827 году, когда премьер-министр Годрич предложил сделать Херриса канцлером казначейства. По причине своих связей «с неким выдающимся капиталистом, – писала одна газета, – он непригоден для занятия официальных постов». «Некий выдающийся капиталист», которого также называли «главным спекулянтом на денежных рынках Европы», нигде не назывался по имени, но все понимали, о ком идет речь. Возможно, что Ротшильд действительно помог Херрису с частным займом, как помогал и многим другим, в том числе и самому принцу-регенту¹¹, и что Херрис имел причины быть ему благодарным, однако нет никаких доказательств того, что он брал взятки у Ротшильда. Годрич заверил Херриса, что не верит ни слову из инсинуаций, и в должное время назначил его на пост.

В основе кредитной системы Ротшильда лежала тщательнейшим образом разработанная сеть информаторов. В первую очередь это были сами братья, разбросанные по Европе. Натан располагал агентами и курьерами по всему южному побережью и напротив голландских портов, и его служащими кишели поля боев в Европе. Кроме того, у него на плате состояли многие капитаны пакетботов, и зачастую он был лучше осведомлен о событиях на континенте, чем само правительство.

По одной легенде, Натан присутствовал в битве при Ватерлоо, предположительно чтобы быть поблизости на случай каких-то важных изменений. Другая молва гласит, что он первым получил известие о победе с почтовым голубем. И все сходятся в том, что потом он бегом бросился на биржу, чтобы обратить в деньги свое знание, опередив других; но вместо того, чтобы просто скупить все, что можно, он поначалу начал продавать и уже потом, когда цены упали, он совершил резкий разворот и стал скупать. Цены действительно упали, но не из-за махинаций Натана, а из-за новостей о задержке Веллингтона у Катр-Бра.

Сражение при Ватерлоо произошло 18 июня. Известия дошли до Натана через одного из его агентов в Дюнкерке 20 июня. Он сразу же сообщил обо всем премьер-министру лорду

¹¹ Будущий король Георг IV, возглавивший страну в период недееспособности его психически нездорового отца с 1811 по 1820 год. Этот период называется эпохой Регентства.

Ливерпулу, но тот считал, что новость слишком хороша, чтобы быть правдой, пока ее не подтвердила депеша от Веллингтона примерно тридцать часов спустя.

Натан же особенно не сомневался, радостно накинута на рынок и скупил огромный пакет акций. Через несколько часов разлетелись новости из Ватерлоо, и цены взмыли вверх.

Натан был вовсе не прочь совершить удачный маневр за счет других игроков на бирже и, более того, испытывал некий озорной восторг, когда обманул ожидания рынка, но его блестящий ход после Ватерлоо объяснялся не дьявольской хитростью, а эффективной работой созданной им разведывательной сети. Отныне в Сити на Натана взирали с благоговением, как на какого-то чудотворца. И в сфере финансов, где так сильно полагаются на веру, сама уверенность в том, что человек умеет творить чудеса, дает ему возможность их сотворить.

После Ватерлоо Ротшильды стали банкирами Священного союза христианских государств, образованного Александром I для защиты политической стабильности в Европе; в Союз вошли Россия, Австрия, Пруссия и Британия¹². Династия рассредоточилась по разным столицам, чтобы управлять денежными потоками. Якоб поселился в Париже, Соломон отправился в Вену, Карл – в Неаполь, Амшель остался дома во Франкфурте; но главным центром операций был лондонский Нью-Корт во главе с Натаном.

С окончанием войн приток английских денег в Европу не прекратился. В 1817 году Пруссия отчаянно нуждалась в 5-миллионном займе. Вильгельм фон Гумбольдт, прусский посол при Сент-Джеймском дворе, призывал обратиться в Нью-Корт. «Ротшильд – самый предприимчивый делец в стране, – писал он. – Более того, это человек надежный, и здешнее правительство ведет с ним большие дела. Кроме того, насколько мне известно, он справедлив, безупречно честен и умен». Христиан фон Ротер, глава прусского казначейства, подтвердил это мнение: «В этой стране Ротшильд – самый уважаемый человек и здесь, в Лондоне, обладает громадным влиянием на все финансовые дела. Кругом говорят, и, надо признаться, это небольшое преувеличение, что он всецело распоряжается обменным курсом в Сити. Его могущество как банкира неизмеримо».

Натан взял на себя дело с займом и обеспечил его под 72 процента. По словам Натана, это была «великолепная сделка», поскольку акции ни разу не упали ниже начальной цены в 1824 году и, более того, повысились до 100 процентов.

Это был первый крупный государственный заем, осуществленный Ротшильдами. За ним быстро последовали и другие. В 1819 году он от имени британского правительства открыл заем в 12 миллионов фунтов под 3 процента. Списки желающих на него подписаться были заполнены еще до того, как казначейство официально огласило свое намерение, и к открытию торгов намеченная сумма подписки была превышена на 40 миллионов. В 1821 году он организовал заем в 2 миллиона фунтов для правительства Неаполя; в 1823-м – полтора миллиона для Португалии, в 1824-м – 300 тысяч для Австрии, и так далее год за годом, иногда вместе с такими банкирскими домами, как «Бэрингс банк», но обычно в одиночку. Не все займы приносили прибыль, некоторые заканчивались крахом, но отныне иностранные казначейства, которые обращались за деньгами на лондонский рынок, практически неизбежно обращались к Ротшильду. Натан сделал кредит более мобильным и международным. До него в Лондоне недоверчиво смотрели на иностранные займы, так как к обычным рискам вложений прибавляли риски политических неурядиц. Более того, дивиденды обычно выплачивались за границей, в иностранной валюте, и на них воздействовали колебания валютного курса. Натан устроил так, что дивиденды выплачивались в Лондоне, в фунтах стерлингов, и само его имя служило гарантией. В 1823 году, например, он организовал заем в 2,5 миллиона фунтов для Неаполитанского королевства, которое считалось очень ненадежным должником, так как было охвачено сильными внутренними беспорядками и в нем стояла большая австрийская армия.

¹² Великобритания не входила в Священный союз.

Торги открылись на уровне 89,8 фунтов стерлингов. За несколько месяцев цена выросла до 96,75, а в какой-то момент даже достигла 108. Мало что в положении самого Неаполя могло объяснить этот взлет, и, по-видимому, им он был в большой степени обязан поддержке Натана.

К 1848 году Нью-Корт в одиночку привлек займов на 200 миллионов фунтов для иностранных клиентов. Система европейского порядка, который тщательно поддерживали Александр I и Меттерних¹³, едва ли могла бы функционировать без финансов Ротшильда. Куда бы ни направлялись армии, будь то на подавление восстания в Неаполе или беспорядков в Испании, будь то на борьбу с национальными выступлениями в Ломбардии или либерализмом во Франции, делегации казначейств той или иной страны непременно оказывались в Нью-Корте со своими расчетами и надеждами.

Таким образом, Ротшильды прочно встали на сторону реакции, но разные филиалы имели полное право действовать независимо друг от друга, и после смерти Каслри¹⁴, когда Англия стала склоняться к более либеральной политике, случилось так, что Натан пошел в одну сторону, а его братья – в другую.

В 1820 году в Испании приняли либеральную конституцию, и Фердинанд VII, оказавшийся буквально в плену у новой администрации, обратился за помощью к братьям-государям. Общественное мнение в Англии было на стороне либералов, и пошли слухи, что якобы Ротшильды через Натана помогли им с деньгами. Соломон поспешил заверить Меттерниха, что все это вздорные выдумки: «Ваше превосходительство слишком хорошо знает взгляды и меня самого, и моих братьев, чтобы более чем на мгновение поверить в столь беспочвенные слухам. Они настолько не соответствуют нашей репутации, что мне даже нет необходимости вдаваться в дальнейшие объяснения по данному вопросу».

Влияние дома Ротшильдов было поставлено на службу власти, либералы – подавлены, абсолютная монархия – восстановлена, а вместе с нею и святая инквизиция. Роль Натана в этом неясна, но в 1829 году он, к испугу братьев, помог Бразилии, которая незадолго до того восстала против португальского правления, реорганизовать ее внешний долг и добился для нее займа в 800 тысяч фунтов.

Новые государства Центральной и Южной Америки представляли собой рискованное поле для операций, которое обещало большой куш, но часто оборачивалось большими потерями, и даже Ротшильды обжигались на них. В 1824 году разгорелась спекулятивная лихорадка, похожая на пузырь Южных морей¹⁵ веком раньше. Казалось, не было идей слишком нелепых, проектов слишком туманных для инвесторов, страстно желавших обратить наличные в ценные бумаги. В конце года пузырь лопнул. Крупные дома зашатались, мелкие рухнули, и какое-то время опасность как будто грозила самому Банку Англии. Натана, который собирался ехать на континент, правительство уговорило остаться в Лондоне, и в канун Рождества при помощи брата Якоба он организовал аварийное вливание золота в Англию из Франции.

Среди многих выдающихся родственников, которых Натан приобрел благодаря женитьбе на дочери Коэна, был Бенджамин Гомперц, действительный член британского Королевского научного общества, президент Астрономического общества и знаменитый математик, но который по причине своего вероисповедания не мог даже устроиться актуарием в страховую компанию. В то время евреи вообще считались слишком рискованными для страхования, особенно с точки зрения пожара, и зачастую им было очень трудно заключить договор на полис. По

¹³ Клеменс фон Меттерних – австрийский дипломат, министр иностранных дел, отличался крайне консервативными взглядами.

¹⁴ Роберт Стюарт, виконт Каслри, 2-й маркиз Лондондерри – консервативный британский политик ирландского происхождения, на протяжении десяти лет занимавший пост министра иностранных дел.

¹⁵ Компания Южных морей – финансовая пирамида, основанная в 1711 году. В 1720 году начался резкий рост ее акций, а уже в сентябре того же года состоялся крах, и она объявила себя банкротом. Парламентское расследование выявило мошенничество.

словам одного историка, считалось, что «иудеи испытывают какую-то особую склонность к поджогам». В 1824 году Натан вместе с Мозесом Монтефиоре, еще одним выдающимся родственником, открыл фирму Alliance, которая быстро росла и превратилась одну из крупнейших страховых компаний в стране. И Гомперц, разумеется, получил в ней место актуария, хотя, конечно, едва ли она создавалась специально для того, чтобы подыскать для него работу. Натан обладал достаточным влиянием, чтобы находить рабочие места и для не таких талантливых евреев, как Гомперц, и вдобавок уже был директором страховой компании Guardian Assurance.

Своим местом в европейской системе, ролью в качестве пособников реакции, умением сохранять и даже увеличивать состояние в тех предприятиях, которые для других оборачивались финансовым крахом, своим влиянием, могуществом, невероятным богатством братья Ротшильды вызвали к себе антипатию левых и не вполне заслужили симпатию правых. Это были парвеню во всех смыслах. Они взлетели, подобно кометам, это были не просто евреями, а к тому же еще и иностранцами и говорили с акцентом. На континенте они постоянно подвергались антисемитским нападкам, но вот Натану больше повезло с местом жительства.

В Англии положение евреев было относительно завидным. Они имели право свободно передвигаться и сравнительно свободно торговать. Они не платили особых налогов. И в первую очередь они не подвергались личным притеснениям. Наряду с католиками и нонконформистами они пока еще страдали от множества ограничений политических прав. Натан активно вел борьбу за их отмену, хотя и не так энергично, как его свояк Мозес Монтефиоре или дальние родственники сэра Исаак Лион Голдсмид и Дэвид Саломонс.

Натан служил старостой в Большой синагоге в 1818 году вместе с шурином Соломоном Коэном. Возможно, он был не столь религиозен, как его покойный тесть, но у него было острое деловое чутье, с которым он брался за дела синагоги, и ему удалось наладить более тесные связи между тремя лондонскими ашкеназскими синагогами и скоординировать их действия по оказанию помощи бедным. Он дал синагоге силу своего имени и уделил некоторую долю своего времени, но не очень много денег, так как не отличался особой щедростью. Его отец умер в 1812 году и незадолго до этого передал весь свой бизнес пятерым сыновьям за 190 тысяч гульденов, что ни в коей мере не соответствовало его реальной стоимости, но было способом сохранить в тайне истинную величину его состояния.

Таким образом Натан получил в руки пятую часть крупного предприятия, которую быстро увеличил. Размер его состояния, вложенного в разнообразные фонды, оценить невозможно. Примерно миллион фунтов, который он оставил по завещанию, нисколько не говорит о его истинной величине, но, судя по размаху его сделок, он, по-видимому, был одним из богатейших людей Англии. По его собственным словам, не важно, что продавать, главное – продавать побольше. Он редко игнорировал даже мелкие сделки, если они могли потянуть за собою крупные, и с первого же взгляда мог рассчитать стоимость и перспективы любой акции. В других же отношениях он обладал заурядными способностями. Возможно, в этом и состоял один из секретов его успеха. Это был во всех отношениях необычный человек. Он умел чувствовать тенденции рынка, но еще до того, как сам рынок успел почувствовать их, и таким образом начинал действовать до того, как цены начинали ползти вверх.

В 1822 году Натан и его братья стали баронами Австрийской империи, но, в отличие от них, он не испытывал особого благоговения перед титулом и никогда им не пользовался. Он чувствовал, что быть Ротшильдом, в особенности Натаном Ротшильдом, – это и так уже достаточный знак почета. Это было его искупающее достоинство. Он был самим собой и в общении с другими мог проявлять жестокую прямогу. Он сознавал, что своим общественным положением, славой и любым уважением, которое оказывали ему, он обязан не интеллектуальным способностям или умению вращаться в обществе, а деньгам. Он был неотесанный грубиян. Его нескладная фигура, толстый живот, выпуклые глаза, неряшливая одежда, сутулая спина, его поза: стоя в расстегнутом сюртуке, глубоко засунув руки в карманы брюк, – была если и не

особенно красивой, то уж точно одной из самых привычных картин на бирже. Однако он сочетал все это с врожденной авторитетностью; у него были внешность торгаша и ореол короля. Будучи гением в финансах, он был неразвит в других отношениях. «Натан Майер Ротшильд, – писал его брат Соломон, – не особенно смышлен; он чрезвычайно компетентен на своем месте, но вне его, говоря между нами, едва в состоянии написать собственное имя». Иногда Натана охватывала фобия перед интеллектуалами. «Я видел много умных людей, – говорил он, – очень умных, у которых не было и башмаков. Я никогда не веду с ними дела. Может быть, их советы звучат очень разумно, но сама судьба против них; они сами не умеют добиться успеха, а если они не в состоянии помочь сами себе, какая от них польза мне?»

Композитору Шпору он сказал, что не понимает музыку. «Вот это моя музыка», – сказал он, позвякивая монетами в кармане. И ему казалось, что этот звон может быть музыкой и для других. О своих детях он говорил: «Я желал бы, чтобы они весь свой ум, душу, сердце и тело посвятили своему бизнесу; вот способ достичь счастья».

Однако его собственная преданность бизнесу не принесла ему большого счастья. «Счастлив! Я – счастлив?! – как-то раз возмутился он. – Как так?! Как тут будешь счастливым, если ты пошел пообедать, а тебе в руки суют записку, а там говорится: „Если не пришлешь мне пятьсот фунтов, я тебе вышибу мозги?“ Это я-то счастлив?!» Он повсюду видел угрозы, реальные и воображаемые. Став старше, он спал с заряженным пистолетом под подушкой.

Лесть и подхалимство, окружавшие его со всех сторон, внушили ему презрение к человеческому роду. Он прекрасно понимал, в чем причина такого отношения, и не так уж стеснялся льстецов и подхалимов. В качестве последнего прибежища он знал, на чем все это основано, и не настолько забросил Библию, чтобы забыть слова Екклесиаста: «Суета сует, все суета».

Он был резок с подчиненными, хотя, надо сказать, был резок со всем человечеством и не уважал людей.

Как-то раз к нему проводили одного сиятельного князя. Натан был занят, предложил ему сесть и продолжил работать.

– Боюсь, вы не расслышали, кто я такой, – сказал посетитель. – Я князь Пюклер-Мускау. Натан поднял глаза от письменного стола.

– Ах вот как, – сказал он, – ну, тогда возьмите два стула.

Некоторое удовлетворение, которого ему не хватало в делах, Натан находил в семейном кругу. Его жена Ханна, милое, приветливое создание, была центром большого и любящего родственного круга. То и дело приезжали и уезжали братья, сестры, тетушки, дядюшки, Коэны, Сэмюэлы, Монтефиоре, Гомперцы. Сначала его семья жила «над лавкой» в доме номер 2 в Нью-Корте, но когда прибавилось и дел, и детей, они переехали западнее, на Пикадилли, 107. Они купили сельский дом, сначала в Хайгейте, потом в Стэмфорд-Хилл. Наконец, в 1835 году Натан за 20 тысяч фунтов купил Ганнерсбери, бывшее имение принцессы Амалии, дочери Георга II. Он так и не дожил до переезда.

У Натана Ротшильда было четыре сына и три дочери. Ниже мы еще подробнее расскажем о Лайонеле, Энтони и Майере. Четвертый сын Натаниэль, с детства охромевший из-за падения с лошади, женился на дочери Якоба и переехал в Париж, где тратил свои небольшие силы и значительное состояние, собирая богатую коллекцию предметов искусства. Он также купил виноградники Шато-Мутон возле Бордо, где потом стали производиться знаменитые вина Ротшильдов.

Старшая из его дочерей, Шарлотта, вышла за двоюродного брата Ансельма, сына Соломона Ротшильда из Вены. Младшая, Луиза, – за другого кузена, Майера Карла из Франкфурта. Третья дочь, Ханна, первой из семьи связала свою жизнь с человеком не из иудейских кругов. После нее были и другие, но, в отличие от них, она приняла христианство и обвенчалась в церкви. Ее мужем был почтенный Генри Фицрой, сын лорда Саутгемптона. Она никогда

не испытывала ни особых симпатий, ни интереса к евреям и иудаизму, что беспокоило семью, но ей пришлось ждать смерти отца, прежде чем она почувствовала, что в силах оторваться от паствы.

Натан относился к иудаизму серьезно, и не только из соображений веры, но и по причине той роли, которую играл в жизни еврейской общины. «Я не хуже вас, – как-то раз сказал он герцогу де Монморанси. – Вы зовете себя первым христианским бароном, а я первый еврейский барон».

В 1836 году наследник Натана Лайонел обручился с Шарлоттой, единственной дочерью своего дяди Карла из Неаполя. Свадьба состоялась в июне во Франкфурте, чтобы на ней смогла побывать бабушка, которой тогда было уже за восемьдесят. В городе собрался широкий круг родственников: Соломон из Вены, Якоб из Парижа, двоюродные и троюродные братья и сестры, Голдсмиды и Голдшмидты, Монтефиоре и Коэны, Оппенгеймеры и Штерны. Среди всех них несколько выделялся Россини, друг Якоба, который таращил глаза и дивился пышности и церемонности свадьбы. При виде стольких гостей Гутеле не смогла сдержать волнения.

Натан явился с большой свитой, но вел себя не так шумно и развязно, как обычно. Его самочувствие ухудшилось из-за крупного карбункула. Он дотянул до 15 июня, дня свадьбы, но по окончании празднеств слег в постель. Черда немецких докторов только усугубила его состояние, и встревоженная Ханна привезла к нему хирурга Бенджамина Треверса, их соседа по Нью-Корту. Но было уже слишком поздно. Началось общее заражение крови, и 28 июля он испустил дух. Ему было пятьдесят девять лет.

В последние часы Натан собрался с силами и сел в кровати в окружении плачущих родных. Раввин пришел выслушать его покаяние, и Натан начал читать: «Исповедаю, Господь Бог мой, Бог моих отцов, что мое исцеление и смерть в твоих руках. Да будет воля твоя...» Он мгновение помолчал и отложил книгу. «Мне необязательно столько молиться, – сказал он, – ведь, уверяю вас, по моим убеждениям, я не грешил».

Глава 5

Великан – сэр Мозес Монтефиоре

Любой, кто много путешествовал по Восточной Европе до войны, увидел бы во многих еврейских домах, порой среди семейных портретов, но часто на отдельном почетном месте, словно святой образ, лицо, которое совсем не вписывалось в обстановку. Это был бородач патриархального вида, но он больше походил на вельможу, чем на еврейского мудреца, а высокий воротничок и сорочка с рюшами напоминала об Англии эпохи Регентства. Портрет излучал власть. Массивная голова, крепко сжатые губы, решительный, даже агрессивный подбородок, большой нос, глаза добрые и измученные заботами. Это был портрет сэра Мозеса Монтефиоре, несомненно самого любимого и почитаемого еврея, который когда-либо жил в Англии, и, может быть, даже самого великого.

В истории евреев XIX века сэр Мозес выступает словно колосс, и в кои-то веки это слово – не вполне метафора. Было в нем что-то исполинское: и продолжительность его жизни, и широта интересов, и безмерность состояния, и размах его щедрости, и сама его физическая величина. Его рост составлял 6 футов 3 дюйма (192 см), он был широкоплеч, седобород и громогласен, и с такой внешностью становился центром любой компании. Он родился в 1784 году в правление Георга III и умер на сто первом году жизни уже при Виктории. Происходил он из очень состоятельной семьи и жену взял из такой же, увеличил свое богатство упорным трудом и необыкновенной предприимчивостью и удалился от дел в возрасте сорока лет, чтобы посвятить остаток жизни и средства заботе о благе общества. Едва ли было какое-то важное событие в истории евреев того времени, в котором он бы не участвовал.

В первую очередь его огромное влияние объяснялось тем, что век Монтефиоре в еврейской истории совпал с владычеством Британии в мировых делах. Это была эпоха Палмерстона, Рассела и Гладстона¹⁶, когда угнетенные многих стран, будь то Греции, Польши, Италии или Испании, с надеждой обращали взоры к Лондону – и редко случалось такое, чтобы среди пострадавших не оказывалось евреев. А часто страдали только они.

Британские евреи в то время не были многочисленной и влиятельной группой – по количеству и богатству они значительно уступали своим единоверцам в Германии, Австрии и Франции. Однако проблемы гуманности легче находили сочувственный отклик в душе британцев. Британия имела силы не останавливаться на одних намеках, а если нужно, идти дальше слов. Именно это и позволяло британским евреям оказывать влияние, а Монтефиоре – играть роль правителя народа в рассеянии.

Впервые семейство Монтефиоре появляется в мавританской Испании. После изгнания они переехали в Италию, где одна ветвь сначала поселилась в Анконе, а потом переехала в Ливорно. В Ливорно благодаря терпимому отношению Медичи еврейское предпринимательство развернулось во всю ширь, и в 1656 году Манассе бен-Израиль в своем прошении снова впустить евреев в Англию приписывает процветание Ливорно именно им. Предки Мозеса Монтефиоре числились среди виднейших купцов города, но его дед, хотя и женился на дочери состоятельного мавританского торговца Масхуда Ракаха, не сумел сильно разбогатеть и в 1758 году эмигрировал в Англию. Имея в своем распоряжении некоторый капитал, он вскоре занялся ввозом в страну различных итальянских товаров. У него было семнадцать детей – восемь сыновей и девять дочерей. Один сын умер в младенчестве. Старший сын, который родился в Ливорно, остался там, трое сыновей эмигрировали. Четвертый, Джошуа, повзрослев, сделался адвокатом, но поступил в пехоту и стал первым – по крайней мере, если верить ему

¹⁶ Перечислены знаменитые премьер-министры Великобритании второй половины XIX века.

самому – евреем, который получил офицерское звание в британской армии. Он также утверждал, что был первым евреем, окончившим Оксфорд, и первым английским евреем, который стал адвокатом, и еще много чего – но все эти заявления невозможно чем-либо подкрепить. По сути дела, он был кем-то вроде барона Мюнхгаузена, и, так как подробности послужного списка Джошуа почти целиком взяты из его собственного дневника, трудно отличить факты от вымысла, однако его офицерское звание – это один из фактов, вызывающих наибольшую уверенность.

В 1782 году он, по собственным словам, был одним из лидеров экспедиции, отправленной с целью основать новую британскую колонию в Западной Африке. Из-за плохого планирования и организации она потерпела крах почти сразу же после основания. Монтефиоре уцелел и, как он пытается представить, вышел из ситуации с почетом: по возвращении в Лондон был представлен Георгу III, который предложил сделать его рыцарем, от чего тот отказался. Это самая неправдоподобная история из всех. Глава экспедиции опубликовал отчет, из которого следует, что Джошуа был одним из второстепенных участников группы и к тому же не отличался дисциплинированностью. Таким образом, невероятно, чтобы его представили ко двору, и невозможно, чтобы ему предложили рыцарское звание. А если бы и предложили, он, разумеется, не стал бы воротить нос.

В дальнейшем он составил несколько полезных справочников, включая «Коммерческий словарь» и «Краткий обзор торгового права». Другой труд «Коммерческие и нотариальные прецеденты» с посвящением верховному судье лорду Элленборо выдержал два английских и три американских издания.

Он поселился в Америке и сбывал свою книгу в главных коммерческих центрах Восточного побережья. В то же время он продолжал неглубоко заниматься юридической практикой и журналистикой, но без особых результатов и в смысле дохода, и в смысле репутации. Он был женат дважды. Первой его женой была Эстер Супино, дочь одного из ведущих прихожан синагоги на Бевис-Маркс. Вторая жена Элизабет Меерс, католичка, была горничной Эстер. Ему было уже семьдесят три, когда он женился во второй раз, и он поселился на ферме на окраине Сент-Олбанса в штате Вермонт. Он дожил до восьмидесяти одного года и в последние восемь лет жизни успел зачать восемь детей. Последние свои годы Джошуа жил практически в нищете и, как и другие члены семьи в подобных обстоятельствах, попросил помощи у своего племянника Мозеса Монтефиоре. Сэр Мозес отправлял ему пособие в 20 фунтов, но неизвестно, как часто и как долго.

Джошуа Монтефиоре оставался иудеем, но своих детей, быть может чтобы в будущем избавить их от лишних тревог, вырастил протестантами. Летом 1843 года, уже находясь при смерти, он сказал родным, что не хочет быть похоронен на христианском кладбище, и записал слова из еврейской поминальной молитвы, какие смог вспомнить, чтобы они прочли их у него на могиле. Его похоронили на ферме. В семейной Библии есть надпись: «После моей смерти я желаю и прошу, чтобы мои дети прибавили [к своим молитвам] следующие слова: „Милостивый Господь, смиренно молю Тебя и прошу простить грехи нашего покойного оплакиваемого отца и принять его душу с милосердием и заботой“».

Горацио, один из восьмерых детей, в 1863 году приехал в Лондон, оказался на мели и в конце концов обратился за помощью в американскую дипломатическую миссию. Мистер Бенджамин М. Моран, в то время секретарь миссии, отметил у себя в дневнике: «Высокий, приятного вида вермонтец по имени Д. Монтефиоре явился сюда сегодня утром, жалуясь на отчаянное положение и желая, чтобы его отправили домой. Он воображает, что состоит в родстве с однофамильцем, евреем рыцарского звания, и прибыл в Лондон просить у него милостыни. Я сделал ему выговор за такую глупость и вручил несколько шиллингов, чтобы не дать умереть с голоду. Видимо, он писал сэру Мозесу и ходил к нему в контору, но с ним обошлись нелю-

безно. Будучи печатником, он пробовал найти себе работу, но напрасно, и я посоветовал ему отправляться домой, так как мы ему помочь не можем. От роду ему всего двадцать лет».

Двоюродный брат Горацио сэр Мозес к тому времени был уже почти легендарной фигурой и, скорее всего, окружен целой армией клерков, старавшихся не подпускать к нему просителей и авантюристов – особенно если те заявляли, что приходится ему родственниками, как случалось нередко. Однако вероятно, что, если бы Горацио все же добрался до сэра Мозеса, он встретил бы гораздо более приветливый прием и не ушел бы с пустыми руками. Сэр Мозес с нежностью вспоминал отца Горацио как энергичного и очень незаурядного человека.

Другие дядья удачно женились, занялись надежным делом и устроились в жизни, завели дома в зеленых пригородах и населили окрестности своими бесчисленными отпрысками. Сэмюэл и Джозеф Монтефиоре женились на дочерях Абрахама Мокатты. Джозефа отец сделал импортером каррарского мрамора и итальянских соломенных шляп. Приданое жены еще больше увеличило его состояние. Он находился в Ливорно по делам, когда родился его старший сын Мозес. У них было еще два сына – Абрахам и Горацио – и пять дочерей – Эстер, Сара, Абигаиль, Ребекка и Джастина.

В этот период ни один иудей не мог и надеяться получить образование в университете. Поэтому все мальчики рано ушли из школы и были отданы в ученичество в разные профессии. Абрахам стал работать у мистера Флауэра, известного торговца шелком на Уотлинг-стрит, и постепенно нажил на шелковой торговле небольшое состояние. Потом он попробовал себя на бирже – но там ему повезло меньше. Он женился на дочери брокера Джорджа Холла, христианина, чем буквально разорвал свои семейные связи. Так как почти все еврейские биржевики были из числа Родни и все они полагались на взаимопомощь, переживая трудные времена, он разорился. Мозеса, пожалуй самого ортодоксального иудея из всех родственников, особенно огорчил его брак, но он не мог позволить брату нищенствовать. Помог Абрахаму снова встать на ноги, а в 1812 году взял его в партнеры.

После смерти жены Абрахам женился на Генриетте, младшей дочери старого Майера Ротшильда из Франкфурта и сестре Натана. Теперь его состояние было обеспечено, но годы бедности подорвали его здоровье и жизненные силы. Он заболел чахоткой и умер в 1824 году.

Монтефиоре жили в большом доме с террасой на Кеннингтон-Плейс, Воксхолл. У детей были ограниченные возможности получить школьное образование. Мозес пытался восполнить пробелы самостоятельно, читая все подряд, и в результате превратился в кладезь разрозненных обрывков несвязанных и запутанных фактов. Он завел привычку записывать отрывки, поучения, строчки из стихов, эпиграммы, мудрые изречения – как бы составляя импровизированное руководство по образу и смыслу жизни.

Его первым местом работы была фирма торговцев чаем – Messrs Johnson, McCulloch, Cons & Co. из Истчипа, куда его взяли клерком. Работа была тяжелая, часы – долгими, и контора находилась далеко от дома. Тем не менее он отказывался ездить в экипаже даже в разгар зимы и ходил на работу и с работы пешком. Порой он задерживался в Истчипе до полуночи и потом плелся домой по слякоти и сугробам, утешаясь мыслью о таком образом сэкономленных деньгах. Позднее, став уже очень богатым человеком, он все так же внимательно следил за каждым потраченным пенсом и, проявляя щедрость к другим, в личных расходах избегал всякой расточительности.

В 1803 году при помощи своих дядьев из семьи Мокатта, уплатив 1200 фунтов, он стал одним из евреев-брокеров на бирже. «Лучше заработать один фунт, чем гоняться за двумя» – таков был его основной принцип. Другой, взятый из Талмуда, гласил: «Мудрецу нужно не больше того, что он может законно заработать, разумно применить, с радостью потратить и жить с довольством». Он руководствовался этими принципами всю свою жизнь. Таким образом, его первые годы на бирже не были отмечены какими-то сногшибательными триумфами.

Он был среди первых, кто начал издавать еженедельный бюллетень с ценами на ценные бумаги, и постепенно создал значительную клиентуру.

Затем, в 1806 году, он понес колоссальные убытки – потерял 30 тысяч фунтов из-за аферы некоего Дэниэлса. Неизвестно, в чем именно состояло это мошенничество и каким образом столь проникательный человек, как Монтефиоре, попался на удочку жулика. Он вспоминал это почти каждый год как черный день своей жизни, но, как видно, это не подорвало его веру в человечество.

В 1812 году он женился на Джудит, дочери Леви Барента Коэна, которая принесла ему значительное приданое и улучшила и финансовое, и общественное положение, но еще важнее приданого был тот факт, что ее сестра Ханна была замужем за Натаном Майером Ротшильдом. Через несколько лет Абрахам Монтефиоре женился на сестре Натана Генриетте. Когда с одной стороны у него были финансовые тузы Коэны, а с другой – сказочные нувориши Ротшильды, Монтефиоре было бы трудно и самому не разбогатеть.

Джудит и Монтефиоре, или Монти, как она звала его, подходили друг другу почти идеально. Она разделяла его глубокие религиозные убеждения, сильное чувство долга, заботу о еврейском народе, острое осознание высокой нравственной цели и двойственное отношение к деньгам, одновременно и щедрое, и бережливое. Джудит была хорошенькая девушка с изящной головкой в кудряшках и выражением мягкой решительности в больших глазах. У них не было детей, но во всех остальных отношениях их брак был настоящей идиллией. Вспоминая день их свадьбы, Мозес всегда благодарил Бога. В 1844 году он записал у себя в дневнике: «В этот счастливый день, 10 июня, тридцать два года миновали с тех пор, как Всевышний Господь Израиля в Его величайшей доброте благословил меня моей драгоценной Джудит, и я всегда буду неизмеримо благодарен Ему за этот дар, величайшую причину моего счастья на протяжении всей жизни. С первого дня нашего счастливого союза и до сего часа я нахожу все больше причин любить и уважать ее и со всей искренностью могу сказать, что каждый новый год приносит с собой все больше доказательств ее достойнейшего характера. Не бывало на свете жены лучше и добрее, все силы отдающей на то, чтобы сделать мужа добрым и счастливым. Да благословит ее Господь отцов наших долгой жизнью, здоровьем и всяческими благами. Аминь».

По утверждению одного из биографов, Джудит родилась в 1784 году, в один год с мужем. По ее собственным словам во время одной переписи населения, она родилась в 1796 году, а во время другой – в 1794-м. Имеющиеся у нас данные говорят в пользу того, что она была одного возраста с мужем, но хотела бы быть помоложе.

Ее воспитывали в ортодоксальном иудаизме. Как-то вечером к ее родителям в гости неожиданно заехал адмирал Сидни Смит с компанией друзей и увидел, что вся семья Коэн сидит на низких стульчиках в траурных одеяниях и читает из Плача Иеремии. «Мои сестры немного смутились, – вспоминала она, – но я тихо сидела на месте, и когда сэр Сидни спросил, почему мы сидим так низко, я ответила: „Сегодня годовщина разрушения Иерусалима, которую набожные евреи отмечают как день траура и посрамления...“» Сэр Сидни и другие джентльмены, видимо, удовлетворились объяснением, которое я им дала».

Свадьба с Мозесом состоялась 10 июня 1812 года. Это было хлопотное время для Монти. Слишком хлопотное, чтобы позволить ему уехать в свадебное путешествие. Поэтому первые недели семейной жизни они провели у родителей жениха в Воксхолле. «У Монти, благодарение Богу, день прошел удачно, – написала юная невеста на пятые сутки медового месяца. – Он подарил мне 1000 акций „Омниум“, от которых я еще не избавилась. Скорее всего, заключу несколько мелких сделок просто ради развлечения. Вчера я для начала накупила консолей¹⁷, на чем заработала несколько фунтов».

¹⁷ «Омниум» и консоли – виды государственных облигаций.

И так проходили дни. Консоли, семейные чаепития и молитвы. В первую пятницу после свадьбы она написала в религиозной экзальтации: «Ничего особенного за весь день. Но когда я зажигала свечи по желанию матушки, в соответствии с тем, чему нас учили, ощутила новое чувство верности и решимости поступать правильно. Я верю, что Всевышний Господь подскажет нам, как поступать так, чтобы угодить Ему. Ничто не приносит мне большей радости, чем сознание того, что мой Монти религиозен. И та вера, которую имеет он, на мой взгляд, и есть самая важная – чувство родства и благоволения».

Эти последние слова точно передают суть его веры. Монти, особенно на исходе жизни, никогда не пренебрегал ни малейшей религиозной обязанностью, но преимущественно его религиозные чувства выражались в виде заботы о ближних. В такое время, когда евреи к евреям часто относились неприязненно, он сумел завоевать уважение сограждан. Как могли бы сказать его современники, он был самым большим христианином из иудеев.

В те дни молодая чета позволяла себе отойти от строгих принципов только в одном отношении. Настоящий ортодоксальный еврей не станет есть мясо или птицу в доме неевреев, поскольку эта пища считается некошерной, если приготовили не по всем правилам. Иными словами, животное должен забить шохет, то есть ритуальный забойщик, после чего засолить и вымочить тушу, чтобы из нее вышла вся кровь. Однако нам известно, что во время своих путешествий Монти и Джудит ели бифштекс в Ситтингбурне, жареную утку в Маркете и потом снова утку в Портсмуте.

В поздние годы они стали брать в поездки личного шо-хета, чтобы соблюдать кашрут везде, куда бы ни ехали.

В эти ранние годы супруги Монтефиоре, хотя и очень любили путешествовать, не имели собственного средства передвижения и ездили в почтовой карете. Может быть, у них не было на это денег или они старались не тратить лишнего. Джудит была особенно экономной, и бережливость – ее страстью. 30 июня, в конце медового месяца, она поспешила в Олдгейт, чтобы поменять лишние свечи на набор чайных ложечек.

Они переехали в Нью-Корт по соседству с Натаном Ротшильдом и недалеко от ее матери в Энджел-Корте на Трогмортон-стрит. По характеру Монти и Натан не походили друг на друга, но у них получился удачный и прибыльный деловой союз, причем первый выступал в роли брокера для второго. На рынке царил оживление в связи с войнами в Европе, и в 1819 году Монти участвовал в первой крупной сделке свояка от лица государства – займе на 12 миллионов фунтов под 3 процента.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.